ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ Издательство „Правда". 1949 г. 2

№ 2
ФЕВРАЛЬ
1949 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

СЪЕЗД ВЕРНЫХ ПОМОЩНИКОВ ПАРТИИ

Мощный трактор «Сталинец» легко тянет целую батарею плугов. Холодным блеском отливают пласты глубоко вспаханной земли. Любуясь работой машины, Надя Трегуб, в недавнем прошлом пионерка, а теперь Герой Социалистического Труда, звеньевая колхоза «Червоный лан», с благодарностью думает о товарищах-комсомольцах: о тех, кто собрал этот трактор, о тех, кто варил сталь, из которой отлиты его части.

«Встретиться бы с ними, рассказать о чувствах, связывающих в единую семью комсомольцев нашей страны!» — мечтала Надя.

Теперь её мечта сбудется: на Харьковской областной конференции комсомола Надежду Трегуб избрали делегатом XI съезда ВЛКСМ; ленинградские комсомольцы в числе других послали на съезд известного всей нашей стране токаря Генриха Борткевича; с делегацией Южного Урала приедет в Москву молодой сталевар Захаров.

В зале заседаний Всесоюзного съезда комсомола соберётся цвет нашего юношества: пытливые искатели, обогнавшие время, задолго до срока выполнившие план пятилетки; неутомимые и беспокойные труженики колхозных полей, вырастившие два колоса там, где раньше рос один; самые любимые ребятами учителя и вожатые; молодые учёные, писатели, поэты, художники.

Герои труда встретятся тут с героями недавних победоносных битв, и все они самые горячие и чистые сыновьи чувства обратят к тому, кого на всех съездах и конференциях комсомольцы избрали первым делегатом,— к дорогому отцу и любимому учителю молодёжи товарищу Сталину.

Они расскажут товарищу Сталину, как во всех концах советской земли работают и творят, выполняя задания партии, молодые строители коммунизма. Они решат, как нужно вести дело, чтобы комсомольские организации впредь ещё лучше воспитывали молодёжь, чтобы комсомол ещё лучше выполнял свою высокую роль боевого помощника партии Ленина—Сталина.

На съезде будет обсуждаться вопрос о работе комсомола в школе. Наши старшие товарищи и руководители обсудят и решат, что нужно сделать для того, чтобы ребята ещё лучше учились, чтобы выросли они образованными, беспредельно любящими Родину людьми.

Пионеры и школьники, чувствуя, как заботятся о них большевистская партия, родной комсомол, встречают XI съезд ВЛКСМ своими пионерскими подарками. И первый из этих подарков — табели, украшенные четвёрками и пятёрками. Пионеры и школьники обещают комсомольскому съезду сделать всё для того, чтобы принятые съездом решения быстро осуществились, обещают жить и трудиться так, как учит их товарищ Сталин.

Пламенный пионерский привет
XI съезду комсомола!

Пионерская клятва

З. Александрова

Хлопья белого снега
Над Донбассом летят...
Принимали Олега
В пионерский отряд.

Комсомолка Ульяна
Вот в такой же денёк
По мосткам деревянным
В школу шла на урок.

Золотое наследство
У людей наших есть,—
Пионерское детство,
Комсомольская честь.

И Тюленин Серёжа
И Олег Кошевой —
Гвардия молодёжи,
Правды голос живой!

Грустно никнут знамёна
До родимой земли,
Издалёка с поклоном
Пионеры пришли.

Комсомола питомцы,
Стая смелых орлят,
Имена краснодонцев
В каждом сердце горят.

К солнцу будет тянуться
Зелень новой листвы,
Пионеры клянутся
Быть такими, как вы.

Пионеры готовы
На призыв боевой
Встать, как Люба Шевцова
И Олег Кошевой!

М. Прилежаева

Рис. Б. Винокурова

(Продолжение)

САША ОДИН

На путях Окружной железной дороги маневрировал товарный состав. Саша стоял у Горбатого моста. Невдалеке свалка железного лома. Сколько раз с Юркой Резниковым они сюда совершали набеги и всегда из экспедиции возвращались с богатой добычей — обрывки проволоки, гайки, какой-нибудь винтик. Многим можно было здесь поживиться! Больше они не придут сюда с Юркой. Всё потеряно! Всё! Саша знал. Он стоял на ветру и смотрел, как ловко работают машинист и сцепщик. Сцепщик на ходу поезда бесстрашно пробирался между вагонами; отцепленные вагоны продолжали свой путь, а паровоз, выбросив фонтан кудрявого пара, торопливо убегал в сторону, громыхая на переведённой стрелке. Стрелочник азартно сигналил флажками. Всё это напоминало игру. Саша смотрел больше часа, пока ноги не онемели от холода. Тогда он пошёл. Куда? Впервые за всю свою жизнь Саша был одинок. Всё-таки его тянуло к школе. Покружив переулками, он случайно очутился возле школьной решётки.

Из калитки высыпали ребята.

Пионеры из костиного отряда! Значит, сбор только что кончился. Как-то справился Костя? Саша обещал ему помогать! Неловко возиться одному с эпидиоскопом: менять картинки, рассказывать, следить за порядком. Разузнать бы, что там было, на сборе!

— Саша, стой, погоди! Саша, ты, должно быть, оглох?

Словно из-под земли, выросла Юлька.

Должно быть, она караулила их с Костей.

— Насилу тебя догнала! Ух, до чего я волнуюсь! В нашем классе все девочки знают, что у вас с Костей сегодня решительный день. Все до одной! Еще бы, и вольтметр и такой ответственный сбор! Ну, рассказывай. Как?

Юлька уморилась от бега: шапка-ушанка еле держалась у неё на самой макушке, лоб был влажен от растаявшего снега, на висках волосы завились в крутые колечки.

Она нетерпеливо и весело допрашивала Сашу:

— Где ты был? Саша, откуда ты шёл? Да говори же скорей! Что такое?

Юлька испугалась недружелюбного молчания Саши.

— Что с тобой произошло?

— Ничего со мной не произошло.

— Может быть, с Костей?

— И с ним ничего.

— Почему ты такой? Саша, что ты скрываешь? — она с беспокойным участием заглядывала в лицо мальчику.

Он шагнул, собираясь уйти.

Юлька схватила его за рукав:

— Постой, а ты помогал Косте на сборе?

И вдруг, не помня себя, Саша в раздражении закричал:

— Не помогал! Нет! А тебе только о Косте и нужно знать. Не был на сборе. Не пошёл — вот и всё!

Он замолчал, увидев, как изменилась от гнева девочка. Его душили слёзы обиды: всем безразлично то, что с ним, Сашей, случилась беда. О нём никто не станет тревожиться.

— Ты поссорился с Костей? — спросила в недоумении Юлька.— Вместо того, чтобы ему помогать в такой ответственный день, ты с ним поссорился? И ты не знаешь, что было на сборе?

— Не знаю. Откуда мне знать?

Саше стало не по себе от юлькиного взгляда, он отвернулся.

— Обходитесь теперь без меня,— пробормотал он.

— Ах, ты вот какой!

Размахнувшись, Юлька ударила кулаком Сашу в спину.

Будь на месте Юльки мальчишка, Саша в секунду мог отразить нападение. Уж он сумел бы постоять за себя! Но на него наступала девочка, и это была Юлька. Невыносимо стыдно, невозможно ударить Юльку. Саша попятился.

К несчастью, происшествие было замечено. Пионеры всё ещё толпились у школьной решётки. Они наблюдали, как снегоочиститель, вздымая вокруг себя ураган, мчался вдоль трамвайных путей. Снегоочиститель умчался, а пионеры увидели нечто такое, выходящее из ряда обыкновенных событий, что на всю улицу подняли крик:

— Смотрите, Емельянова побеждает девочка! Семиклассник испугался девчонки!

— Ай да трус! Ай да трус! — приплясывая, кричали ребята.

И Саша, на которого довольно сегодня свалилось позора, толкнул Юльку в плечо. Она полетела лицом в рыхлый, пушистый сугроб.

А Саша нёсся, как вихрь, и, только свернув в переулок, остановился и выглянул из-за угла. Юлька выбралась из сугроба. Костины пионеры усердно стряхивали снег с её шубки. В это время на школьное крыльцо вышли Таня, Богатов и Костя.

— Я и не думал, что так интересно быть вожатым! — краснея, говорил Костя.— Я думал, раз надо,— приходится быть. А оказывается, интересно-то как! И ни капли не страшно, оказывается.

— Костя! — закричали пионеры, увидев вожатого.— Емельянов ни за что ни про что исколотил Юлю. Мы отплатим ему, он узнает!

— Врёте,— хладнокровно возразила Юлька.— Я сама его исколотила. Подумаешь, какие защитники! Костя, ну как? Что-нибудь получилось?

Костя застенчиво улыбнулся, и Юлька, забыв свои страхи, тотчас пришла в равновесие.

— И беспокоиться не о чем было. Я не сомневалась ничуть! — важно заявила она.— Ну, идём в таком случае.

Кивнув с независимым видом Коле Богатову и девушке в серой барашковой шапке, она направилась вместе с Костей домой.

Девушка долго в задумчивости смотрела им вслед.

— Ты не заметил, Богатов,— сказала она, когда две фигурки скрылись вдали,— иногда человек живёт и живёт, тихо, невидно. Вдруг что-то случилось, и он расцветает. И тут все догадываются, что он смел, талантлив, умён. Так я только сегодня узнала настоящего Костю.

— И я! — живо подхватил Коля Богатов.— Я про Гладкова теперь прямо скажу: вот такие ребята нам и нужны в комсомоле.

Он замолчал, глядя, как струятся снежинки, мелькают и вьются и, покружив, устилают землю белым покровом. Вдруг, вздымая столбы снежной пыли, промчится ветер вдоль улицы — в мутной мгле тонут люди, трамваи, дома. Ветер улёгся — снова тихо струятся снежинки.

— Хорошо!

— Что хорошо? — спросила Таня.

— Всё. Вьюга! Зима! Наша школа, ребята! И что мы комсомольцы. И как мы пели сегодня. Вообще жить хорошо!

КАК ТЫ ЖИЛ БЕЗ МЕНЯ

Какой угрюмой тишиной встретил Сашу дом! Как будто все вещи, стены и окна, за которыми металась вьюжная ночь, сговорились молчать и притворяться чужими.

Тяжело на душе.

Мальчик опустился на стол, сгорбив плечи и сжав кулаками виски. В этой позе отчаяния он просидел довольно долгое время. Потом надо было всё-таки приготовить уроки. Вечер тянулся пустой, томительно-длинный, печальный вечер, без друзей и надежд.

А когда пробило десять часов и стало ясно, что Гладковых ждать бесполезно, Саша заснул. Он спал крепко. Ему снилось или сквозь сон показалось, что в маминой комнате вдруг вспыхнул свет, словно зажглось среди ночи яркое солнце. Может быть, это было не солнце, а лампа под жёлтым абажуром. Отворяясь, скрипнула дверь; протянулась дорожка; по дорожке из света к сашиной кровати бесшумно приблизилась мама.

Боясь спугнуть сон, Саша со вздохом зарылся глубже в подушку.

Он проснулся, когда на дворе стоял день. Метели как не бывало. На утреннем небе, с ещё не остывшими следами зари, выделялись отчётливо линии крыш, труб, антенн; что-то бодрое, праздничное было в этой чёткости линий, в нежном сочетании красок — голубой, розовой, белой.

Ощущение воскресного утра охватило Сашу. Вскочить, включить радио! Надо приготовить коньки или сначала прочесть «Юмор» Чехова. Вчера Юрка Резников в большую перемену читал книгу и хохотал.

Но Саша вспомнил вчера и не вскочил.

Он тихо лежал, пока не услышал движение в маминой комнате. Только тогда он увидел на этажерке кожаный шлемик. Значит, ночью ему не приснилось. Она верно приехала!

— Мама! — закричал Саша, так высоко подскочив на кровати, что все пружины запели.

Радость!

Знакомый халатик, рассыпанные по плечам, мокрые после ванны волосы. Саша прижался щекой к влажным прядям:

— Мама!

— Здравствуй, Саша! Ну, как жил?

В это время Агафья Матвеевна внесла чайник. Саша быстро оделся и принялся хлопотать. Он метался от буфета к столу и так азартно хозяйничал, что не успел ответить. Он хитрил с самим собой и оттягивал время.

Если б ещё мама не такой весёлой вернулась!

Она прошлась по комнате, перебрала на письменном столе стопку книг, заплела в косу и уложила ещё не просохшие волосы.

Саша видел серьёзное, строгое, счастливое выражение маминых глаз. Она о чём-то сосредоточенно думала. Она даже не замечала, что вот уже столько времени они вдвоём с

— Саша! Как у тебя? Благополучно? Как в школе?

Она вернулась к Саше уже одетая, и в лице её, побледневшем за эти несколько дней, и в обведённых синеватой тенью глазах светилась всё та же глубокая, торжествующая радость.

— Не удалось нам досыта наговориться, Сашук: вызывают на совещание. Но я даю тебе слово, как-нибудь урву время, и мы с тобой улизнём покататься на лыжах. За город, в лес. Подальше. А завтра, Саша, я делаю доклад в Академии наук. Пора обнародовать результаты десятилетней работы,— сделать выводы. Лестные выводы для нашей науки. Ещё один шаг вперёд. Этот шаг снова сделали мы, советские люди,— вот в чём гордость!

Под окном, во дворе, загудела машина.

Мама подошла к Саше, взяла в ладони его голову и, откинув, заглянула близко в глаза. Должно быть, что-то она увидела в глубине его глаз, что смутило и испугало её.

— Что с тобой, Саша?

Под окнами надрывался гудок.

— Мама! Ты опоздаешь! — закричал Саша в преувеличенном страхе.— Собирайся живей!

Саша торопил её, суетился и никак не мог успокоиться, пока за ней не захлопнулась дверь.

А оставшись один, он прислонился лбом к косяку книжной полки и перевёл дыхание, словно только что свалил с плеч тяжёлый мешок.

Сашей молчат. Что произошло в маминой жизни?

— Мама, как твоя операция?

Она обернулась, и, прежде чем Саша услышал ответ, он понял по её спокойному, глубокому взгляду, что всё хорошо. Она присела на диван, где в уголке, подобрав ноги, неловко съёжился тихий мальчик.

— Здоров ли ты, Саша?

— Здоров! Абсолютно!

Он постарался изобразить на лице весёлую бодрость, расправив плечи типично спортсменским движением. Однако ему довольно трудно было смотреть маме прямо в глаза. Что-то в нём требовало: «Надо сейчас же сказать!» И что-то удерживало: «Нет, нельзя сейчас говорить!»

— Саша! Как у тебя? Благополучно? Как в школе?

Сердце бешено застучало в груди: сказать!

Но мама знакомым ласковым жестом откинула со лба его волосы и заговорила негромко:

— А у меня, Саша, радость. Очень удачно прошла операция. Случай был трудный нередкость. Да, мы добились победы, теперь это можно признать.

«Нельзя говорить о вчерашнем. Нельзя!» — пронеслось у Саши в уме.

Он сидел неподвижно, вперив, как гипнотизёр, глаза в одну точку; горло перехватила тоска. Саша боялся вымолвить слово, он чувствовал, что расплачется, едва открыв рот.

К счастью, в соседней комнате зазвонил телефон. Мама ушла.

— Сейчас выслали? Да, да, готова! — слышал Саша оживлённый мамин голос.— Устала? Нет, ничего.

БЛИЗНЕЦЫ ОБСУЖДАЮТ ПОЛОЖЕНИЕ

— Костя, он так и сказал: «Мой вольтметр, не отдам»? — спросила строго Юлька.

— Да нет же! — воскликнул Костя с досадой, удивляясь странной непонятливости сестры. — Вовсе нет. Саша не хочет дарить вольтметр вместе с классом. Он хотел от себя. И чтоб все его восхваляли.

— Ну?

— Что, ну? Ребята обиделись. Как ты думаешь: Надежде Дмитриевне приятнее было бы, если бы весь класс подарил? Все так ждали, надеялись, что будет сюрприз. И вот всё сорвалось. И вообще...

— Что вообще? — нахмурилась Юлька.

Костя мрачно смотрел в сторону, избегая взгляда сестры.

— Я разочаровался в Саше. Он оказался совсем другим человеком.

— Ты уверен? — холодно спросила она.

— Да что ты так за него заступаешься? — рассердился Костя. — Никакого самолюбия! Он же напал на тебя!

Юлька спокойно возразила:

— Не он — я на него напала. Теперь мне понятно, почему он не был на сборе. Костя, каким Саша оказался «другим» человеком?

— Таким, что когда делается общее дело, на него не очень можно надеяться, — резко ответил Костя.

Они замолчали. Юлька уныло накручивала на палец прядку волос, упавшую из-за уха.

— Знаешь, что говорил Ключарёв? — сказал Костя, решившись, должно быть, до конца раскрыть Юльке глаза на их бывшего друга. — Он говорил: если бы мы были не просто седьмым «Б», а «Молодой гвардией» во время войны, приняли бы Сашу после этого случая, как ты думаешь?

— Какой ужас! Наверное, нет, — шопотом ответила Юлька.

Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и внимательно смотрела на брата. Она вместе с ним обвиняла товарища и хотела его оправдать.

— Что же будет?

— Не знаю, — вяло ответил Костя. — Ребята ему не простят.

— А ты?

— Мне Сашу жалко. И я...

Снова молчание и новый вопрос:

— Вы считаете его эгоистом?

— Эгоистом.

— И несознательным?

— Да.

— А я знаю сто случаев, когда Саша был не эгоистом и очень сознательным.

— И я знаю, — грустно согласился Костя. — Но в этот-то раз...

Чувствуя, что сердце брата начинает оттаивать, Юлька просительно заглянула ему в глаза:

— Костя! Не может быть, чтоб вдруг в один день Саша навсегда изменился в противоположную сторону!

Костя молча рассматривал незатейливые узоры на ширме. Юлька вздохнула. Это был вздох человека, который теряет надежду.

— Воскресенье. Саша один. Может быть, он заболел? Позвонить ему, Костя?

Костя остался закованным в броню равнодушия:

— Не бывает, чтобы в таких случаях обязательно заболевали.

Юлька встала и, опустив голову, долго что-то напряжённо обдумывала.

— Мне всё ясно, — сказала она, раздельно выговаривая слова. — Один человек страшно ошибся, — она сумрачно посмотрела на брата. — И все сразу от него отвернулись, и даже его лучший друг. Не понимаю!.. — Юлька пожала плечами.

— Что должен делать лучший друг? — спросил нерешительно Костя.

— Узнать! Расспросить! Помочь! Посоветовать! — гневно крикнула Юлька. — Может быть, Саша раскаивается? И... может, он всё-таки не «другой» человек, а просто ошибся? И тогда... Слушай-ка, Костя, если даже его завтра не примут в комсомол, после ведь могут принять? А если мы не поддержим, вдруг он навсегда упадёт духом? Давай, Костя, пойдём?

— Пойдём!

В бурном восторге Юлька захлопала в ладоши. Джек, готовый в любую минуту разделить веселье хозяйки, сорвался с подстилки. Началась суматоха.

Юлька сдёрнула с вешалки шубу и в дверях ждала брата. Как на грех, он не мог разыскать свою шапку. Под руку попадались разные бесполезные вещи: варежки, свитр, портфель — всё, кроме шапки.

— Мы придём и самым обыкновенным образом помиримся с ним, — рассуждала вслух Юлька, — потом узнаем, что происходит.

Костя продолжал искать свою шапку.

— Никто не собирается его защищать, если он подвёл весь ваш класс. Но нельзя человека бросать... Костя, можно подумать, что ты тянешь нарочно. Или ты хочешь, чтобы я шла одна?

Она с нетерпеливой решимостью посмотрела на брата. Отчаявшись, Костя сказал:

— В чём идти, если эта проклятая шапка исчезла? Просто какая-то судьба со вчерашнего дня преследует Сашу.

— Ах, преследует? Тогда я одна...

Но тут в роли судьбы из-под кровати выскочил Джек с шапкой в зубах. Боясь упустить хозяйку, он кинулся к двери. Произошла короткая стычка, во время которой Джек яростно рвался на улицу, Костя разжимал ему зубы, а Юлька клялась, что совершенно не стоит любить такого сумасшедшего пса. Наконец, выручив шапку, они убежали к Саше.

Но на звонок вышла Агафья Матвеевна. Саши не было дома.

МАМА ДОЛЖНА БЫТЬ СПОКОЙНА

Саша вышел на улицу без какой-нибудь видимой цели, скорее всего его выгнали из дому проницательные взоры Агафьи Матвеевны. Саше казалось: каждый, кто приглядится внимательнее, без труда разгадает в его душе хаос и смятение. Чудо ещё, что ни о чём не узнала мама.

Машинально Саша свернул в тупичок, упиравшийся прямо в забор. Там детский сад. Он пуст в воскресенье; свежий, нетоптаный снег укрыл тихий двор. Саша встал у забора и в щёлку глядел на этот снег, сверкавший в лучах солнца.

Ну и светит же солнце! Откуда оно взялось после вчерашней метели?

Никто не знает, какое горе, если Сашу не примут в комсомол.

Он поёжился: мороз пробирался под воротник, к спине и плечам, щипал щёки. Любой бы мороз нипочём, не будь этого горя на сердце.

Его не примут — он понял сегодня, когда приехала мама.

Саша раньше считал: мама, как мама, очень много работает, довольно весёлая, любит его. Он и не думал, что она делает такое важное дело, которое завтра будут обсуждать на заседании Академии наук. И там мама скажет, как утром: «Мы добились удачи».

А Саша! Как он старался прославиться! И всё чтоб ему одному. Завтра Борис Ключарёв, Коля Богатов, и Виктор, и Юрка, и все комсомольцы тоже будут его обсуждать.

Саша промёрз и ушёл от забора. Спрятав

— Зачем вы пришли? — дерзко спросил Саша.

окоченевшие руки в карманы, он побрёл куда глаза глядят.

Завтра он будет стоять перед ребятами в зале. Саша резко повернулся, как будто путь преградила стена, — идти больше некуда.

Если б можно было рассказать маме! Всё. О том, как он отделился от класса... Он изменил ребятам. Это всем ясно, он невероятно подвёл их. Мама! Ты представить не можешь, какой небывалый позор на тебя свалится завтра.

Должно быть, Саша очень долго ходил по улицам. Он не заметил, как солнце спустилось за крыши, в небе угас сверкающий свет, снег потускнел.

Быстро меркнут декабрьские дни.

Мальчик всё шагал и шагал. Вперёд. Назад. Каким-то образом он очутился на пустыре за школой. Деревянные домики смотрели на него своими крохотными окнами в белых сквозных занавесках. По колено в снегу, Саша притаился за углом керосиновой лавки, и в мире не было человека грустнее его.

Вдруг он увидел Гладковых.

Первым движением Саши было куда-нибудь скрыться. Всё что угодно! Провалиться сквозь землю. Вот до чего он дошёл! Он бежал от друзей, от мамы, из дому, он убежал бы и от завтрашнего комсомольского собрания, если б было куда убежать. Трус! Саша себя ненавидел.

Но так как Гладковы направлялись прямо к нему с явным намерением рассчитаться за вчерашнее столкновение с Юлькой, он подавил в себе горе и придал лицу выражение полного презрения к опасности. Но ноги его в коленках дрожали, потому что он очень устал за сегодняшний день и был голоден. Ему хотелось сесть в сугроб и поплакать.

— Зачем вы пришли? — дерзко спросил Саша, но в сердце его шевельнулась надежда: «Юлька и Костя! Они могли придти за другим».

— Мы гуляем. Ты разве не видишь? — сказала с вызовом Юлька.

Она заложила руки за спину.

— Здесь красиво. Мы просто смотрим природу.

И, вскинув голову, она полюбовалась снежным гребнем на крыше, потому что, право, нечем было ещё любоваться: до самой школы тянулся пустырь, слева дома заслоняли закат.

— А вчера я упала нарочно.

— Юлька! Для чего мы его искали весь день? — спросил с удивлением Костя, который не умел притворяться даже в самой незначительной мере.

— Я не знаю. Ты видишь, ему весело и без нас.

Неизвестно, зачем понадобилось Юльке потешаться над Сашей: кто когда веселился с таким убитым лицом? Но она повторила упрямо:

— Ему очень весело!

Тогда он пошёл. Что же здесь оставаться? Но он не сделал и шага, Юлька схватила его за плечо, и Саша увидел такое участие и тревогу в её тёмных глазах, что, потерявшись, сказал:

— Со вчерашнего дня я всё один и всё думал.

— Ну сейчас! Тогда мы сейчас! — бестолково, громко, растерянно крикнула Юлька. —

Костя, давай-ка скорей! Мы всё решим. Мы обсудим.

— Но что обсуждать?

Саша вдохнул глоток морозного воздуха, в груди стало немного просторней, Саша сказал:

— Меня не примут в комсомол.

И Юлька, которая не уступала в бесстрашии любому, самому храброму мальчику, опустила глаза и попросила беспомощно:

— Костя! Всё-таки надо решить.

Костя собрал всё своё мужество:

— Могут не принять, Саша, но через полгода тебя уже, наверное, примут.

Они замолчали. Напротив, в деревянных домишках, за белыми занавесками, зажёгся огонь; небо сразу густо засинело над крышами. Голубые сумерки опустились на землю, на пустыре было одиноко и тихо. С крыши сорвалась и со стеклянным звоном разбилась под ногами ребят ледяная сосулька.

— Костя, сбор прошёл хорошо? — с грустной улыбкой спросил Саша.

Как недавно были эти счастливые дни! Они трудились вместе, рисовали картинки к истории Сэма!

— Сбор прошёл хорошо, — ответил Костя, заливаясь румянцем. — Мы решили на пустыре сделать гору... Саша! — он смущённо помолчал, раскапывая носком валенка снег. — Саша, а ты завтра расскажи ребятам всё честно. Конечно, трудно мириться, если поссорился с целым классом. Но ведь ты сам виноват.

Снова набрав полную грудь чистейшего, свежего воздуха, Саша сказал:

— У меня ещё есть беда.

— Какая? — живо откликнулась Юлька.

— Приехала мама.

Юлька обменялась с братом удивлённым взглядом и осторожно спросила:

— Саша, что ты сказал? Мне не очень понятно. Какая беда?

— Мама приехала, а я всё скрыл от неё. Она не догадывается и очень весёлая, и я теперь ничего не могу ей сказать.

— Не можешь? — переспросил с возмущением Костя, он был снова разочарован в товарище.— Почему? Из-за трусости?.. Я думал, Саша, у тебя есть убеждения. Если ты с убеждениями, ты обязан сказать. Если ты скроешь... Ну, уж не знаю...

Он отвернулся. Это был человек, который не признавал середины: он уважал или нет.

— Ты не знаешь, о чём я говорю! — крикнул в бешенстве Саша; в груди его клокотали обида и гнев. Теперь все в нём подозревают плохое. Только плохое! Даже друзья.

Невольно он сжал кулаки. Но Юлька встала между товарищами.

— Объясни, Саша, — доверчиво попросила она.

У него всё ещё стучало сердце, сбившись с ритма. Но когда тебе доверяют...

— Мы достигли в медицине новой удачи, — сказал Саша. — Завтра мама делает доклад в Академии. У мамы сегодня победа за десять лет работы. И вы знаете, у неё была бы раньше победа, если б не я! Я мешал, потому что был маленький. Вы понимаете, советские учёные нашли новый способ оперировать опухоли!

— Ура! Браво! Я поняла! Саша, доклад в Академии?

— Да. И, кажется, будут иностранные корреспонденты. Представляешь, как капиталисты надуются? Они там вешают негров, сажают коммунистов в тюрьму. А мы изобретаем всё самое лучшее. Сколько мы изобретаем всего! Какое всё-таки счастье!

Но тут Саша вспомнил, что сам он невероятно несчастлив, и угрюмо замолк.

Костя в замешательстве кашлянул:

— Если ей рассказать, пожалуй, сорвёшь настроение. Твоей маме, я подразумеваю. Пожалуй, она переживать будет очень. Как бы не провалила доклад.

— А я о чём говорю? — горько ответил Саша. — А я из-за чего мучаюсь? Должен сказать. И нельзя.

— Нельзя! Ни за что! — бурно вмешалась Юлька. — С ума вы сошли, если только расскажете. Саша, переживай как-нибудь сам, чтоб она не заметила.

Снова что-то тяжёлое навалилось Саше на грудь.

— Попробуй-ка ты, — ответил он сдавленным голосом. — Мама всегда узнаёт по глазам. И теперь, наверное, догадается.

Юлька посмотрела на мальчика и сказала застенчиво:

— Смешной, по твоим глазам догадаться нетрудно. Ну, пойдём.

— Куда мы пойдём? — оторопев, спросил Саша.

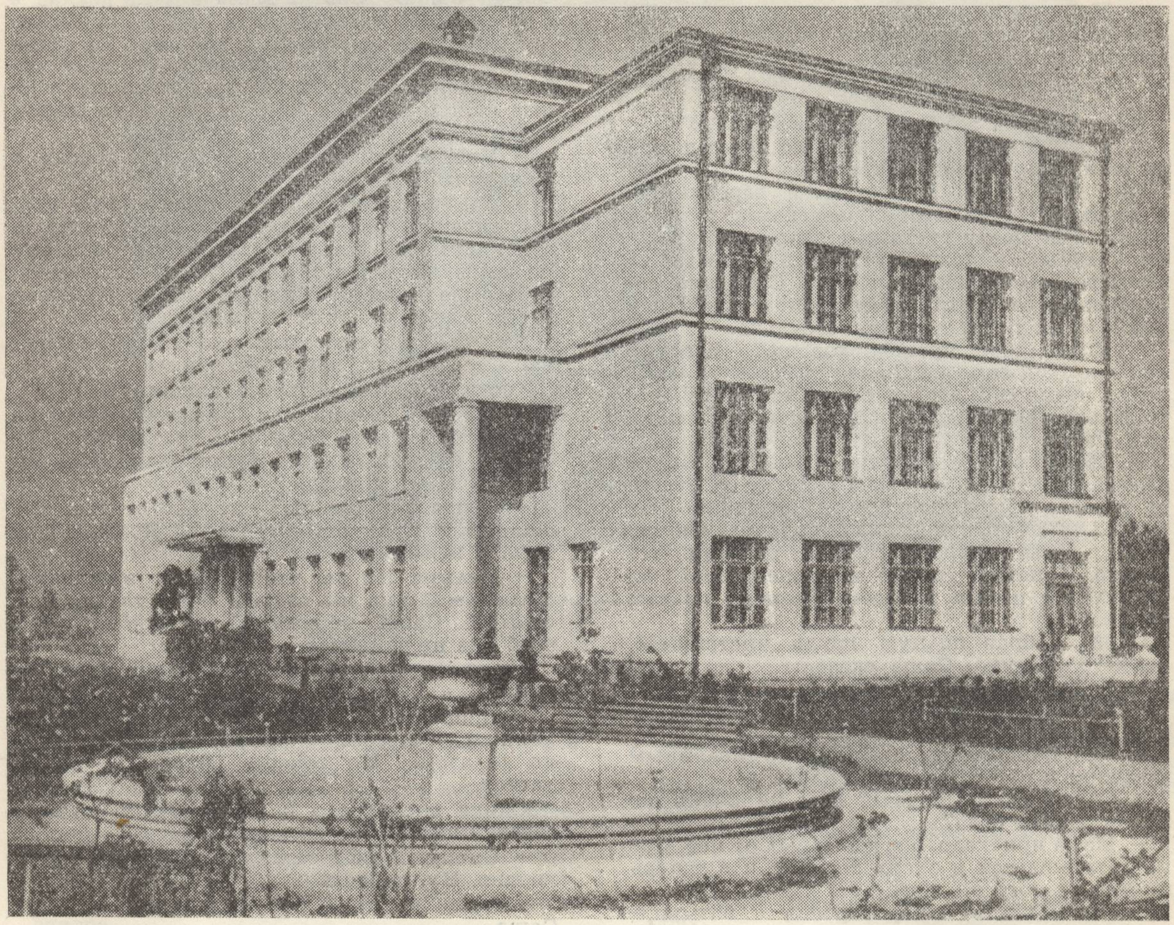
Юлька сдвинула шапку высоко на затылок, что придало ей очень решительный вид.

— С тобой. К вам. Костя, нельзя провалить завтра доклад, ведь верно? Как я радуюсь, когда наши в чём-нибудь добьются победы! А если добивается советская женщина, я особенно радуюсь. Так горжусь, точно это сделала я...

Синий вечер. Небо. Слабые лучики звёзд. Под ногами звонкий хруст снега. Огоньки в окнах — голубые, красные, жёлтые.

(Окончание следует.)

Рассказы об одной школе

На этом большом доме не видно вывески: она не вышла на фотографии. Но и без вывески понятно, что это школа. Одна из многих-многих школ, построенных за годы советской власти. Сейчас трудно даже поверить, что маленький домик, изображённый внизу, был когда-то единственной школой в посёлке Рублёво.

Высоко, как маяк, возвышается новая рублёвская школа над домами рабочего посёлка. Как светлый маяк, помогает она маленьким гражданам выбирать самые прямые, самые верные дороги в большую жизнь.

Комсомол—верный помощник партии в деле воспитания детей. Недаром, собравшись со всех концов страны на Всесоюзный съезд, комсомольцы будут обсуждать вопрос о работе в школе.

Съезду комсомола мы и посвящаем рассказ о рублёвской школе.

Давайте откроем двери и вместе с рублёвскими школьниками войдём в просторные классы, заглянем в чудесный школьный музей, богатую библиотеку, посмотрим, как живут, о чём мечтают, как учатся здесь ребята. Узнаем, как помогают комсомольцы учителям в их большом деле.

Они учились в нашей школе

Каждый год в рублёвскую школу приходят десятки малышей семилетнего возраста. Даже третьеклассникам они кажутся смешными, несмышлёнышами.

Кем станут эти малыши в будущем? Ведь они, как молодые яблоньки-дички: что им привьёшь, то и вырастет.

Малыши садятся за парты. Им выдают тетрадки в три косых. Они пишут палочки. Палочки сначала получаются кривые, неуклюжие. Малыши жалуются:

— У меня не получается, я устал.

Но учительница поправляет ребят и заставляет писать снова и снова. И вот палочки постепенно делаются ровнее. За палочками идут буквы, сначала тоже корявые, потом всё более чёткие и правильные. Так постепенно, день за днём, год за годом формируется чёткий, уверенный почерк.

Ребята приобретают в школе всё больше знаний, всё шире становится их кругозор. И подобно почерку, **год за годом в школе** складывается характер юных советских людей.

...В сентябре 1928 года среди ребят, впервые севших за парту, был один маленький мальчик. Он сидел тихо, весь красный от волнения.

— Ну, а тебя как зовут?

Малыш поднялся и ответил так тихо, что учительница переспросила:

— Как?

— Вася! — пролепетал малыш.

— А фамилия?

— Ботылёв.

А в сентябре 1943 года произошло следующее событие. Немцы, занявшие Новороссийск, готовились к обороне. Наступающая Советская Армия была недалеко. На подступах к городу с суши и с моря немцы лихорадочно рыли окопы, возводили укрепления.

И вдруг однажды ночью затрещали выстрелы в самой гавани Новороссийска. Это высадился советский десант морской пехоты. Высадился там, где немцы меньше всего ожидали.

Командовал батальоном молодой капитан-лейтенант. В этом человеке, первым бросившемся на заминированный, окружённый вражескими дотами новороссийский причал, трудно было узнать малыша, который когда-то еле выговорил от смущения своё имя. Но это был он, Василий Ботылёв.

Под ураганным огнём руководил он бойцами. Его моряки заняли вокзал, элеватор, электростанцию. Сам он с горсткой храбрецов укрепился в клубе, на набережной.

Теперь нужно было держаться. Нужно было обеспечить высадку других советских частей. Пять суток капитан-лейтенант провёл в непрерывных боях с фашистами. Днём по клубу била немецкая артиллерия. Ночью клуб штурмовали немецкая пехота и танки. В клубе не было воды. Изнывающие от жажды бойцы продолжали держаться. Двадцать восемь атак отбили они за эти дни!

Горстка советских моряков, забравшихся в самое логово врага, выстояла, обеспечила наступление других советских частей и вместе с ними выгнала врага из советского города.

С тех пор воспитанник рублёвской школы Василий Ботылёв носит звание Героя Советского Союза.

В школе бережно хранятся

Клавдия Григорьевна Дутова — директор рублёвской школы.

вырезки из газет, рассказывающие о боевых делах Ботылёва и его моряков, снимок с мемориальной доски, установленной в Новороссийске, на фасаде клуба имени Сталина, в память о подвиге советских героев-бойцов. Хранится у нас и репродукция с картины, на которой художник запечатлел героическую оборону клуба.

А рядом с этой репродукцией висит рисунок, сделанный когда-то учеником IV класса Васей Шома. В этом рисунке отразилась горячая любовь мальчика к Красной Армии: он нарисовал бойца времён гражданской войны, идущего в атаку.

Когда на советскую землю предательски напали фашисты, Вася Шома сам стал в ряды Советской Армии. В одном из боёв с немецкими захватчиками самолёт лётчика-штурмовика, орденоносца Василия Шома был подбит, а сам лётчик ранен. Он уже не мог сражаться. И тогда Шома заставил свою машину дотянуть до занятой фашистами железнодорожной станции и врезался горящим самолётом в немецкий эшелон с боеприпасами.

Комсомолец Вася Шома отдал свою жизнь за Родину.

Двадцать лет тому назад окончил рублёвскую школу Виктор Владимирович Барковский. Сейчас он работает на Московской водонапорной станции, которая даёт промышленности и жителям столицы миллионы вёдер воды в сутки.

Только в прошлом году окончила Медицинский институт Евгения Сегаль. Став врачом, она уехала далеко на Север, в тундру Кольского полуострова. Там трудно: несколько месяцев длится полярная ночь,— но девушка не боится трудностей. Она хочет все свои силы отдать на служение родному народу.

А за тысячу километров от доктора Сегаль работает в шахтах Кривого Рога молодой геолог Матрёна Герасимова. В школе никто не удивился, узнав, что её очень ценят на работе: ведь она всегда училась только на «отлично».

Евгения Сегаль в далёком заполярном поселке, геолог Матрёна Герасимова и другие бывшие рублёвские школьники очень радуются, когда слышат по радио голос молодой певицы, талантливой артистки-комсомолки Натальи Красиной. Это тоже наша ученица, одноклассница криворожского геолога, получившая почётную грамоту на смотре молодых артистов театров РСФСР.

Здесь я рассказала всего лишь о шести воспитанниках школы. Только о шести. А школа воспитала сотни людей.

Их профессии и судьбы различны, но какой бы путь ни избрали наши бывшие ученики, как бы далеко ни забросила их судьба, они попрежнему дороги нам и школа дорога им.

За большими делами сегодняшних дней они вспоминают счастливые школьные годы, вспоминают друзей и товарищей, вспоминают учителей и делятся с нами своими радостями и огорчениями.

В школу приходят письма со всех уголков Советского Союза: от инженеров, врачей, педагогов — от людей всех специальностей. Из этих писем мы узнаём о подвигах, совершённых нашими учениками, о трудностях, которые они сумели преодолеть, о твёрдости, с которой они выполняют свой долг, о высоких наградах, которые они получают за свой труд. Каждое такое письмо — большой праздник для нас. Вчитываясь в эти волнующие письма, мы с гордостью и любовью вспоминаем маленьких мальчиков и девочек, пришедших когда-то в первый класс, вспоминаем неумелые, кривые палочки в их первых тетрадях, их неуверенные, робкие ответы... И самая большая награда, которую каждый из нас, учителей, получает за свой нелёгкий труд,— это сознание того, что с первых шагов мы повели наших учеников по верной дороге, научили их любви к труду, преданности Родине, вооружили их знаниями и помогли им стать настоящими советскими людьми.

С новыми силами мы приходим в классы, терпеливо исправляем ошибки сегодняшних первоклассников, вместе с ними радуемся каждой пятёрке, каждому успеху, вместе с ними переживаем все неудачи в учёбе.

И с каждым часом крепнет наша уверенность в том, что эти малыши, которые сегодня с трудом одолевают букварь, завтра станут нашими помощниками, а ещё через несколько лет уйдут из школы знающими, культурными, воспитанными молодыми людьми, готовыми к творческому труду и беззаветно преданными Родине, которая дала им школу, знания, счастливое детство и беспокойную радостную молодость.

В большом деле воспитания нам, педагогам, помогают комсомольцы. Сначала с малышами в свободное от уроков время занимаются пионеры, потом малыши вырастают и сами становятся пионерами, кипучей деятельностью которых руководит комсомол. В учёбе, на пионерских сборах, в походах, во всевозможных кружках, наконец, в самой комсомольской организации формируются характеры юных советских граждан, юных патриотов.

Директор рублёвской школы **К. Г. Дутова**

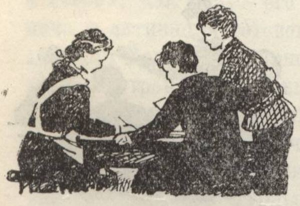

Лучшие помощники учителя — комсомольцы. На снимке вы видите комсомольский комитет рублёвской школы.

У старшеклассников

Н. Иванова

Друзья Дины Филипповой

Дина мрачно смотрела на доску. Она и не пыталась разобраться в этих бесконечных цифрах. Решение одного примера заняло всю доску, и Вася заканчивает его, присев на корточки.

Дина ничего не успела записать. Да и что за радость механически списывать чужое, непонятное решение! Понять? Нет, этим надо было заняться раньше и не тянуть до конца полугодия. А теперь что ни шаг, чаща становится всё темнее.

На парту неожиданно падает записка. «Ты больна? Что-нибудь случилось дома?» — читает Дина. Она оглядывает класс. Кто это? А, Толя Обижаев. Она коротко отвечает: «Плохое настроение» — и отсылает записку обратно.

«Плохое настроение» — это самое неопределённое выражение. За ним можно скрыть и боль, и досаду, и обиду. «Плохое настроение» у Дины Филипповой — это глубокое недовольство собой и чувство одиночества.

Родители Дины уехали на некоторое время. Нет ничего страшного в том, что большая девочка, десятиклассница, поживёт вдвоём с братишкой. Но Дина привыкла к маминой заботе, к семье, к милым, уютным вечерам, когда все собираются вместе. А тут ещё и братишка заболел, за ним надо было ухаживать. Тысячи мелких забот нахлынули на Дину, и самая большая забота — учёба — потонула в них. День ото дня она откладывала уроки и наконец безнадёжно отстала от класса. А мама ещё пишет: «Учись, доченька».

— Слушай, Дина, — сказал Толя Обижаев на переменке, — давай я тебе помогу.

— Спасибо, Анатолий, но... Ты даже не представляешь, как я отстала, — ответила Дина. — Это — безнадёжное дело. И по математике и по физике. Я и сама не знаю, что мне делать...

И действительно она не знала, что теперь делать. Она потеряла веру в себя. Казалось, она ничего не может запомнить и понять. Ну, словно это не она, Дина, а совсем другой человек на её месте.

Но Дина не была одна. Её парта стояла среди шестнадцати других парт. И ребята, сидящие за этими партами, были её друзьями. Не случись

это сделать Толе, кто-нибудь другой — не на этом уроке, так на следующем — подошёл бы и протянул ей руку помощи. Такой обычай у советских людей — помогать друг другу!

И Толя первым подошёл не потому, что его парта была ближе других, нет,— он был комсомолец и думал и беспокоился о своём классе.

По математике Дине стал помогать Толя Обижаев, по физике — Витя Богданов. Дина сначала не верила в успех. Ей было стыдно, что товарищи тратят на неё время, что они приносят ей свои тетради и, как маленькой, растолковывают то, что говорил в классе учитель.

Но постепенно непонятные и туманные ряды цифр превратились в ясные математические формулы и решения. А вскоре в классном журнале у Дины появились две новые отметки — сначала робкая тройка, а потом твёрдая и уверенная четвёрка.

Всё осталось по-старому, мама всё ещё не приехала, но всё стало совсем другим... Наверное, потому, что в трудную минуту плохо быть одной и хорошо, когда рядом друзья.

«Личное дело» Крюкова

Но была на свете другая двойка. Над ней никто не ронял слёз, и она, как всегда бывает с сорными растениями, собиралась расплодить вокруг себя ещё целую кучу себе подобных. Она стояла против фамилии ученика девятого класса Крюкова. А это был совсем иной человек, чем Дина. И две двойки рассказывали о двух разных историях.

Ничто не мешало Крюкову хорошо учиться. Единственной причиной плохой учёбы был он сам и его собственная лень.

На комитете комсомола произошёл горячий спор.

— Учиться? Это я и сам знаю, — надменно заявил Крюков. — Я не маленький. Я достаточно сознательный человек, чтоб мне не указывали. В конце концов это — моё личное дело. И вообще я против того, чтобы обсуждать на комитете плохие отметки.

Нина Губина спокойно сказала:

— Ты сознательный, и ты знаешь, что комсомолец должен хорошо учиться. Но у тебя нет силы воли, ты ленив. И поэтому ты — такой сознательный — вдруг оказался самым отсталым человеком. Да разве дело только в двойке? Предположим, что её и не было бы. Всё равно ты учишься хуже, чем мог бы учиться.

— Ничего подобного, — пробурчал Крюков. Однако уверенности в его голосе не было.

Вокруг были его друзья. Вместе они сажали деревья, пели песни, ходили в походы. Но как резко они говорят с ним сегодня!

И Крюков понимает: перед ним сейчас не просто весёлые друзья-приятели, а комсомольцы, которые стоят на важном участке борьбы — на школьном фронте. Они лучшие ученики школы, и в их сомкнутом ряду есть одна брешь, она пробита Крюковым. Они сурово требуют, чтобы он встал на своё место.

— Я даю слово, — говорит Крюков.

Он выходит из школы и, идя по широкому школьному двору, слушает ещё одного выступающего — самого себя. Должно быть, это самое непреклонное и суровое слово, ведь этот «выступающий» знает дело во всех тонкостях.

...Через некоторое время Крюков исправил свою двойку, и больше она не появлялась в его табеле.

Так, помогая тем, кому нужна помощь, комсомольская организация сурово критикует тех, кто забывает о своём первом долге — учёбе.

Но надо сделать так, чтобы плохих отметок вообще не было и чтобы каждый учился как можно лучше. Вот об этом и думают комсомольцы школы.

Собрания класса «счастливчиков»

Восьмой класс в школе называют «счастливым» потому, что классом руководит Александра Герасимовна Карамушкина, один из тех замечательных педагогов, которые становятся большими друзьями ребят и о которых помнят потом всю жизнь. С её именем в школе связаны самые интересные дела. «Счастливчики» всем классом ходят в театры и кино, празднуют свои дни рождения в школе. В классе выпускается собственная световая газета, альбом класса полон весёлых эпиграмм и шуток. Но, пожалуй, самое интересное из всего, что происходит в этом весёлом и счастливом классе, — это классные собрания. Они бывают не часто, но зато всегда хорошо подготовлены и содержательны.

На собраниях восьмого класса всегда говорят о том, что волнует ребят. Вот, например, на повестке дня стоит вопрос «о трудностях в жизни». Есть два выхода из трудных положе-

ний: или преодолеть то трудное, что встречается на пути, взять его с боя, или отступить. Сильные и мужественные люди преодолевают трудности, малодушные — отступают перед ними. В нашей стране малодушные не заслуживают уважения, потому что наша страна—героическая страна. Ещё никто не шёл тем путём, каким идёт Советский Союз. И люди, растущие в нашей стране, также пойдут по пути смелых.

Александра Герасимовна Карамушкина со своими учениками.

Собрание было бурным. Рядом с именами любимых героев неожиданно называли имена самих участников собрания. Вот Женя Круглов и Витя Куприянов хотят уйти из школы, потому что им трудно учиться в восьмом классе. А как же Маресьев стал снова водить самолёт? Ему было легко?

Александра Герасимовна внимательно слушает ребят. Может быть, в эту минуту она мысленно заглядывает в их будущее — в будущее вот этой стремительной и весёлой Нины Кругликовой, строгой, застенчивой Майи Калининой, солидного «профессора», как зовут его ребята, Валерия Дымовича и активного, готового взяться за любое дело комсорга Володи Харитоновича. Володе посвящена не одна страница в дневнике Александры Герасимовны, дневнике учительницы, который она вела целые годы. Она прочтёт свои записки ученикам в тот день, когда они окончат школу. Тогда они увидят свои дурные и хорошие поступки, всю свою жизнь в школе, над многим посмеются, а над многим задумаются.

И тогда она отдаст Володе Харитоновичу двенадцать его тетрадок. Эти тетради рассказывают о силе воли и об упорстве мальчика. Не многие смогли бы так, как он, будучи уже в восьмом классе, засесть за тетрадку в три косых линейки и выводить буква за буквой. А он, словно первоклассник, исписал целых двенадцать тетрадок и исправил свой дурной почерк.

Классное собрание было недолгим, но вызвало много мыслей и споров. Оно запомнится, может быть, на всю жизнь. И собрание оказывает своё действие: Женя Круглов и Витя Куприянов решили закончить десятилетку.

А вот другое собрание. Докладчик — бухгалтер школы, Зинаида Николаевна Родина. Долг перед страной — об этом было немало бесед. Но впервые этот долг предстал в точных и простых цифрах. Оказывается, на каждого школьника страна тратит в год около шестисот рублей.

Все были потрясены. Да, на деньги, которые у нас идут школам, можно очень многое построить, а страна щедрой рукой отдаёт их ребятам, только учитесь!

Вот какие классные собрания бывают! Их проводят комсомольцы вместе со своей классной руководительницей. Александра Герасимовна всегда говорит: «Мы с комсомольцами решили...» Вот в этом-то и сила класса: в дружбе классного руководителя с комсомольцами. Все те интересные дела, которые бывают в классе, возникают благодаря умному руководству Александры Герасимовны и горячей поддержке, которую ей оказывают во всех её начинаниях комсомольцы.

Советский школьник

Хорошие ученики бывают не только в наших школах. И за границей, в капиталистических странах, многие школьники тоже учатся прилежно. И вот, представьте себе, съехались бы однажды со всего света хорошие ученики, и мы спросили бы их:

— Ну-ка, мальчики и девочки, скажите, почему вы хорошо учитесь?

Среди тысячи ответов, которые мы получили

Это Валя Казакова, вожатая лучшего пионерского отряда школы.

бы на наш вопрос, наверно, сразу можно было бы отгадать ответы советских ребят. Вот, представьте себе, перелистываем мы все эти листочки и читаем: «Я хочу быть богатым», «Хочу выбиться в люди», «Хочу стать фабрикантом», «Хочу развести в нашей области мичуринский сад», «Построить мост такой, как через Днепр», «Найти лекарство против всех болезней»... Правда, ведь не спутаешь эти листочки? Сразу видно, где человек думает только о себе и где мысли человека заняты тем, чтобы совершить в будущем что-нибудь важное и необходимое для всех людей.

Конечно, никогда не собирались вместе все хорошие ученики, но ответы такие мы не придумали. Это самые настоящие письма ребят. Они были напечатаны в «Пионерской правде».

Жить для Родины, для своего народа, конечно, стремятся не только хорошие наши ученики, но и плохие. Они тоже думают о настоящих делах, только ещё не понимают, что без знаний нельзя ничего совершить, что нельзя без фундамента построить дом. Да, очень часто ребята просто не понимают, что́ надо делать и как жить, чтобы действительно стать нужным Родине человеком.

Вот, например, какой случай рассказывает Герой Советского Союза товарищ Ковпак: «Иду я по одной улице Киева. Гляжу: стоит маленький паренёк и крутит цыгарку, огромную, чуть не больше его самого. Я спрашиваю:

— Что ты делаешь, зачем цыгарку крутишь?

А он мне важно отвечает:

— Я в Ковпака играю.

— А я и есть Ковпак, — говорю ему.—Только при чём же здесь цыгарка? Разве ты нас, партизан, за это любишь?..»

И таких случаев много. Вот история, которая случилась не с маленьким мальчиком, а со старшеклассником в той самой школе, о которой мы сегодня рассказываем. Фамилию его я не буду называть, уж и так о нём много говорили.

Это очень способный и начитанный мальчик. Но он поссорился со всем классом. С чего это началось? Кажется, с сочинения на тему «Моё отношение к Базарову». Мальчику понравился герой романа Тургенева. Но так же, как малыш, игравший в Ковпака, он выбрал для подражания не лучшие, положительные черты в характере героя, а ту резкость и пренебрежение, которые Базаров проявлял по отношению к людям враждебных ему убеждений. Для людей, близких ему по духу, у Базарова находились и тёплые слова и помощь, — этого не понял Ч. Он стал грубо и заносчиво обращаться со своими товарищами.

— Я вас не признаю, — надменно заявил он на классном собрании.

Может быть, всё это случилось из-за того, что он неверно понял Базарова, а может быть, он был слишком высокого мнения о своих способностях. Но, так или иначе, он откололся от класса и не захотел принимать участия в его общественной жизни.

Однажды в стенной газете класса был начат диспут о том, что такое мещанство. Автор одной статьи назвал ученика Ч. мещанином, потому что он занят только самим собой, не считается с интересами и мнением своих товарищей, не хочет заниматься общественной работой, то есть делать что-то полезное для всего коллектива.

На Ч. статья произвела сильное впечатление: он, считавший себя человеком, который на голову выше всех ребят, вдруг оказывается мелким и эгоистичным мещанином, индивидуалистом.

Через некоторое время Ч. подошёл к комсоргу и попросил дать ему какое-нибудь дело. Ему поручили устроить в школе шахматный турнир. И Ч., который недавно своих одноклассников считал неинтересными людьми, теперь с пятиклассниками и шестиклассниками вёл себя, как хороший товарищ.

А потом для него нашли другое важное дело: нужно было организовать в школе лекционное бюро. И Ч. с радостью взялся за это.

Так товарищи помогли Ч. стать на правильный путь.

Конечно, в ученическом табеле нет графы «воспитание характера». А если бы она была, мы узнали бы, как многие и многие ребята рублёв-

ской школы прошли этот важный курс, как и беседы с учителями, и диспуты, и работа в кружках, и просто товарищеские разговоры воспитывали характер ребят.

Можно было бы рассказать, например, про то, как однажды комсомольцы устроили обсуждение заграничного кинофильма «Премьера Чио-Чио-Сан». Многим ребятам понравились красивые артисты, и, не вдумываясь в содержание, они решили, что это очень хорошая картина. Но, серьёзно разобрав её, ребята увидели, что красавец-герой, который им сначала понравился, — на самом деле бездушный карьерист. Ради богатства он готов пойти на всё. И тут кто-то из ребят хорошо сказал:

— У нас в стране личное счастье связано со счастьем общенародным. И в горе у нас человек никогда не бывает одинок. Вспомните героиню кинокартины «Сельская учительница». У неё погибает муж, но как мужественно ведёт она себя, потому что у неё есть дело, которое ей дорого.

Так комсомольская организация раскрыла перед ребятами истинный смысл одной заграничной картины, показала, как за внешней занимательностью встают волчьи законы капиталистического общества. И теперь, если ребятам случится смотреть подобные фильмы, они уже, наверно, и сами смогут разобраться в них.

Это поручили Нине

В этот вечер никого нельзя было узнать. Старый адвокат во фраке и бархатном жилете, весёлые украинки, таинственная незнакомка с распущенными золотистыми волосами, бравый майор. Маскарад был в разгаре.

Гремел собственный школьный оркестр, и пары кружились в вальсе.

Одна девушка на этом вечере веселилась больше всех. И не удивительно, — ведь именно она, Нина Мироньчева, организовала этот вечер и теперь радовалась, что всё так хорошо получилось.

Конечно, у неё ничего не вышло бы, если бы она делала всё одна. Но этот вечер подготавливала не одна Нина, а, по крайней мере, десять — пятнадцать человек. Да, комитет комсомола поручил организовать вечер Нине, но тут же ей сказали:

— Нина, привлеки ребят.

Вот поэтому на маскараде не было усталых «организаторов», которые мечтают только о том, чтобы вечер скорее кончился и чтобы скорее можно было отдохнуть.

И так в любом деле. То, что трудно поднять одному, несколько человек легко вскинут и понесут. Комсомольская организация школы поняла это не сразу. Было время, когда серьёзные и большие дела поручались всегда одним и тем же комсомольцам и они очень уставали под их бременем. Удачный вечер — хорошее доказательство того, что комсомольцы учатся распределять свои силы, работать не в одиночку, а всем коллективом.

* * *

Конечно, мы рассказали не обо всём. Да и трудно было бы рассказать про все дела, про всё, чем занимаются комсомольцы.

Но ведь комсомольцы ещё сами ученики. Откуда же у них умение строить свою работу и правильно влиять на своих друзей? Вот как отвечает на этот вопрос секретарь комсомольского комитета Толя Обижаев:

— Ни одно дело мы не начинали, не поговорив с нашими коммунистами — директором Клавдией Григорьевной, с учителями Розой Васильевной Садековой или Борисом Петровичем Ивановым. Они постоянные советчики и руководители нашей организации. Нам вообще помогает тесная, большая дружба с учителями...

В наших школах воспитываются миллионы детей, и очень важно, чтобы все они хорошо учились и росли настоящими людьми. С этого начинается их путь, их служение Родине.

По этому пути шли и те герои, перед которыми мы все преклоняемся. Олег Кошевой тоже был школьником. Вот так же он учил уроки, думал о школе, о товарищах, работал в комитете комсомола. А в минуту тяжёлых испытаний он и его товарищи потрясли весь мир невиданной силой воли, высоким чувством долга и мужеством.

Комсомольцы, о которых мы рассказываем сегодня, не совершили ещё ничего героического. Они просто учатся и стараются учиться хорошо. Они помогают друг другу и стараются подтянуть отстающих.

У каждого из комсомольцев своё дело: Толя Ульянов — редактор стенной газеты, а Коля Родичев организует спортивные соревнования, Нина Губина ведёт дневник успеваемости, а Нина Мироньчева организует интересные вечера отдыха. Толю Бахурина ребята выбрали президентом своего географического общества, а Валя Казакова — уже третий год вожатая пионерского отряда.

И если собрать воедино все маленькие и большие дела комсомольцев, мы увидим важную работу комсомольской организации. Мы увидим, как на уроке и на собрании, в горячих спорах и обсуждениях и даже на весёлом балу воспитывается молодой человек нашего времени.

Семь писем из одного отряда

Вместо предисловия

В своих письмах пионерки нашего отряда рассказывают о том, чем они занимаются в своих звеньях и отряде. Я хочу рассказать о самих авторах этих писем, о нашем пионерском активе.

Три года назад в нашем отряде был первый сбор. Девочки давали торжественное обещание, и я сама повязала им красные пионерские галстуки.

С тех пор в жизни отряда было много хорошего, много радостей, но были и огорчения и неудачи.

Сначала наши пионеры были похожи на людей, впервые вставших в строй: то один отстанет, то другой забежит вперёд, а третий уйдёт со своего места и спутает весь строй. Даже громкая команда командира не всегда заставляет новичков шагать в ногу.

Но есть, оказывается, способ, которым можно выровнять любой строй.

— Запевалы, вперёд! — говорит командир.

Запевалы начинают песню, и все: и тот, кто отстал, и тот, кто забежал вперёд,— невольно начинают шагать в ногу.

Вот такие запевалы — активные пионеры — есть в каждом пионерском отряде.

Это ребята, которые хотят сделать свою организацию сильной и крепкой, которые постоянно думают не только о себе, но и обо всех своих друзьях — членах этой организации.

Иной раз им бывает очень трудно. Нашим активистам вначале было тоже нелегко. У них ещё не было опыта, и многое выходило совсем не так, как они хотели.

Вначале совет отряда решил, что надо поднять успеваемость в классе, и наши активистки Роза Фёдорова, Галя Корнеева, Нина Рыбина горячо принялись за дело. На каждом сборе они говорили о тех, кто плохо учится, упрекали их в том, что они подводят весь отряд. Результаты оказались самыми неожиданными: многие пионерки перестали ходить на сборы.

Конечно, будь у них более развито чувство долга и дисциплины, они бы знали, что ответ на эти справедливые упрёки может быть только один — хорошая учёба. Но это были ещё маленькие девочки, очень обидчивые, и они перестали разговаривать с Розой и с Галей. Сколько тут было слёз и обид! Не скрою, плакали и члены совета отряда. Ведь они искренне хотели, чтобы все хорошо учились, чтобы у нас был хороший отряд.

Но прошло немного времени, и мы всё-таки подняли успеваемость в отряде. Только сделано это было уже по-другому.

Наш маленький и, к сожалению, горький опыт подсказал, что сердитые речи не всегда могут помочь делу.

Мы стали проводить сборы, на которых девочки рассказывали сказки, решали географические загадки; мы организовали походы в лес, зимние и весенние наблюдения за природой, проводили беседы о прославленных героях, о чести пионера и обсуждали новые книги.

Эти дела и беседы увлекали девочек, и они незаметно для самих себя подтянулись в поведении и в учёбе.

Наши девочки занимаются с первоклассниками. И это простое дело заставило наших маленьких «учительниц» самих писать красивее и разборчивее, читать выразительнее.

Если вы прочтёте письма из нашего отряда и вам покажется, что у нас интересно,— знайте: это сделали сами пионерки-активистки.

Я учусь в девятом классе, у нас много уроков, и я не могу бывать каждый день в отряде. Но я знаю: что решено, будет сделано. Я верю нашему совету отряда, звонкому запевале пионерской работы. Об этом я говорила и на комитете комсомола, когда отчитывалась в работе нашего пионерского отряда.

Валя Казакова,
вожатая отряда 5-го «Б» класса девочек

Лесной поход

Мы взяли двое санок и пошли в лес. Там есть высокая «Барсучья» гора, с неё хорошо кататься. Наше звено разделилось на две группы, и мы устроили соревнование: кто быстрее скатится с горы? Сани были большие, мы садились на них по-трое.

Потом мы разошлись по лесу и сговорились встретиться в условном месте. Каждая девочка должна была рассказать, чтò она видела. Я была вместе с Ниной Давыдкиной. Мы увидели большой, старый дуб с дуплом. Нина влезла на дерево и заглянула в дупло. Оно было пустое.

Другие девочки видели синичек. Они порхали на маленьких ёлочках и на кустах орешника и ольхи. На сосне сидел красногрудый дятел. На снегу были видны следы вороны и сороки. Одна девочка сказала, что видела следы какого-то зверя, а какого, она не знает. Мы пошли смотреть все вместе. Оказалось, это следы самой обыкновенной собаки.

В своём дневнике мы записали, какие деревья растут в нашем лесу и каких зимующих птиц мы видели.

Валя Николаева

Всегда готовы

Наш сбор был посвящён тридцатилетию комсомола. В этот вечер наша вожатая Валя Казакова рассказала нам про героев-комсомольцев. Когда она стала говорить про Олега Кошевого, все пионерки встали. Так мы почтили память героя-комсомольца.

Валя рассказала нам, как Олег учился в школе, как он всегда был первым учеником и помогал своим товарищам. Когда Олег попал к фашистам и они его пытали, он ничего не сказал. Так же, как и прежде, он был верен своим друзьям.

Валя сказала, что мы должны быть такими людьми, как Олег Кошевой, и мы ответили: «Всегда готовы!»

По-моему, все в это время вспомнили своё торжественное обещание, свою клятву Родине.

Галя Корнеева

Цветы на окнах

В нашем классе три окна. Каждое звено выбрало окно и озеленило его. На подоконниках стоят цветы в горшках. Мы принесли их из дома. Я принесла цветок «огонёк». За ним ухаживает пионерка нашего звена Шура Штыркова. Она так хорошо ухаживает, что цветок зацвёл даже зимой. Теперь все говорят, что наше окно самое красивое.

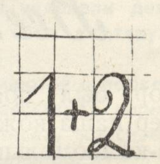
Нина Рыбина

Мой ученик

Наше третье звено помогает первоклассникам. Учительница первого класса Анна Александровна Маркова познакомила меня с одним мальчиком.

Я стала с ним заниматься. Мы писали с ним буквы и слова, потом стали читать. Скоро он знал уже все буквы, а потом научился из букв складывать слова. Мне было очень интересно наблюдать, как он учится всё лучше и лучше.

Анна Александровна позвала меня и поблагодарила.

Ещё мы делали всем классом перочистки для малышей.

Римма Елисеева

Исчезнувшие „лисицы"

Раньше под заметками в стенгазете у нас стояли подписи: «Лисица», «Ворона», «Зоркий глаз». Никто из девочек не хотел подписывать свою настоящую фамилию. Они боялись, что на них будут сердиться те, про кого они написали.

На совете отряда мы поговорили об этом и решили, что члены совета отряда покажут пример. Вскоре у нас вышла газета, где все фамилии были настоящие, все «лисицы»

исчезли. После этого и другие девочки стали смело писать заметки. В первом полугодии у нас вышло пять стенных газет. Сначала выходили и звеньевые, но потом мы решили оставить только одну, отрядную. С тех пор она стала лучше.

Роза Фёдорова

На сборе звена

Мы устроили сбор звена, на котором рассказывали сказки. В классе мы потушили свет и сидели в темноте. Было сначала немного страшно, потому что девочки рассказывали сказки и про Бабу-Ягу, и про Кащея бессмертного, и про Настасью-Золотую косу. Но всем было очень интересно. Многие девочки просят устроить ещё раз такой сбор.

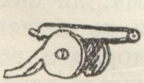
Валя Сафонова

Наш подарок Коле

У нас в школе многие знают маленького мальчика Колю, сына нашей «нянечки» — уборщицы. Его папа погиб на фронте, и маме трудно покупать ему игрушки. Когда мы устраивали в своём классе ёлку, то решили позвать Колю в гости. Мы приготовили для него подарок — игрушечную пушку и пожарника, который двигает руками. Когда мы ему подарили эти игрушки, Коля был очень рад, а «нянечка» всех нас поцеловала.

Эти игрушки были купленные, а остальные, которые висели на ёлке, мы сделали сами.

Лида Макеева

Старший лейтенант флота Василий Семёнович Андронов приехал в отпуск и первым делом отправился в свою школу. Члены географического общества «Юный географ» знакомят его с новыми экспонатами музея.

Фёдор Павлович и его помощники

А. Некрасов

На уроках географии Фёдор Павлович из года в год рассказывает ученикам, чтс такое горизонт, как образуются горы, откуда приходят облака...

Но в классных комнатах «климат» на редкость устойчив, нет здесь ни холмов, ни складок, ни сбросов, и горизонта, сколько ни смотри,—с парты не увидишь.

Об этом не раз думал Фёдор Павлович и решил, наконец, что пора раздвинуть тесные стены класса.

Для такого дела нужны были помощники. Фёдор Павлович нашёл их тут же, в школе. С красными пионерскими галстуками, с комсомольскими значками на груди сидели за партами девочки и мальчики, которым классы тоже казались тесными. Они мечтали о ледяных просторах Арктики, о недоступных вершинах гор, о глухой тайге, о солёных волнах океана. Им не терпелось пройти из края в край самыми трудными дорогами и своими глазами увидеть огромную родную страну.

Эти мальчики и девочки были первыми помощниками Фёдора Павловича.

С тех пор прошло много лет. Пионеры стали комсомольцами, из комсомольцев выросли коммунисты.

На Дальнем Востоке, на Крайнем Севере, в горах Кавказа, в шахтах Криворожья они трудятся каждый на своём посту, но за делами и заботами они и теперь вспоминают родную школу и те далёкие годы, когда впервые своими глазами увидели они беспредельно широкий горизонт.

Помнит о них и школа. В музее географического общества «Юный географ» бережно хранятся их первые работы. Приборы, сделанные их руками, до сих пор верно служат в походах и на разведках. Со страниц альбомов задорно и весело глядят их пытливые, молодые глаза.

Заглянув в такой альбом, сегодняшние помощники Фёдора Павловича без труда убеждаются в том, что в нашей Советской стране сбываются самые смелые мечты.

Вот Вася Сарбуков... Он когда-то мечтал стать моряком. Десять лет назад вместе с Володей Лапшовым он построил первую в школе метеобудку. А сейчас на одном из советских кораблей плавает лейтенант Василий Сарбуков. Вот Лия Яхонтова... Из первой же геологической разведки она принесла полный мешок находок. Тут были раковины, куски породы, кристал-

лы. В этой же экскурсии Лия нашла и своё призвание: она решила стать геологом. И, конечно, мечта сбылась. Об этом говорят письма. Это подтверждают и посылки с новыми удивительными находками, которые Лия до сих пор присылает из далёких научных экспедиций в подарок школе.

И новые помощники Фёдора Павловича, бережно разобрав подарки, расставляют их на витринах и стендах. Маленькое помещение класса, в котором происходят уроки географии, не кажется им теперь тесным... Столько знают эти ребята о родной земле, так далеко сумели они заглянуть, что гости — школьники из других школ, учителя из других городов,— осмотрев школьный музей, только руками разводят.

— Да,—говорят они, прощаясь,—у нас этого нет...

А жаль, что нет. В любой школе можно сделать такой же музей, в любой школе найдутся любители географии. Нужно только, чтобы школьники поняли, что любить Родину — значит прежде всего знать её. И ещё нужно помнить, что, как ни огромна наша Родина, начинать её изучение нужно с самого малого... Большое придёт потом!

* * *

С малого и начали рублёвские географы.

Пятнадцать лет назад по совету Фёдора Павловича они решили наблюдать за погодой. Каждый у себя дома записывал температуру, силу и направление ветра, осадки. В классе записи сверяли, поправляли друг друга и делали общую сводку. Вот и всё.

Но делали это регулярно, настойчиво, упрямо, изо дня в день, из года в год. Наконец, в 1938 году комсомольцы построили первую школьную метеостанцию. С тех пор юные метеорологи взяли небо над школой под строгий научный контроль. И тогда же впервые рублёвские школьники посмотрели на землю глазами, вооружёнными наукой. Ранней весной вместе с Фёдором Павловичем ребята пошли на разведку вдоль берегов, подмытых полыми весенними водами. И тут с первых же шагов начались необыкновенные открытия.

Раковины давно вымерших моллюсков, окаменевшие остатки животных, отпечатки растений, миллионы лет пролежавших в земле, принесли ребята из похода. Пока это были немые свидетели далёкого прошлого, но ребята во что бы то ни стало решили заставить их заговорить.

Преподаватель географии, заслуженный учитель РСФСР Фёдор Павлович Калинин.

И камни заговорили! Они рассказали ребятам о море, когда-то бушевавшем там, где теперь стоит их школа, о пышных тропических лесах, некогда зеленевших там, где в наши дни шумит сосновый лес, об огромных животных, бродивших в этих лесах. С каждым днём подробнее и точнее становились эти рассказы. Ребятам пришлось для этого заглянуть в учебники и справочники, побывать в музеях. Юные геологи показали свои находки настоящим учёным. И учёные помогли своим маленьким коллегам определить их научные трофеи и рассказали о геологическом прошлом Подмосковья... Так начали работу юные геологи. Так из первых находок стал создаваться школьный музей.

Скоро юные историки потребовали в нём места. За историками пришли ботаники, зоологи, экономисты... Карты, гер-

барии, старинные монеты, французские сабли 1812 года, немецкие тесаки 1941 года, зарисовки раскопок, остатки древних культур. Тысячи экспонатов собраны сейчас в маленьком школьном музее, и о каждом из них хозяева музея могут рассказать много интересного.

А находки всё прибавляются. Теперь, правда, не возьмут в музей какой-нибудь простенький белемнит или кусочек кварца, но и сейчас после каждой экскурсии, после каждого похода приходится потеснее укладывать экспонаты в витринах, чтобы дать место новым находкам.

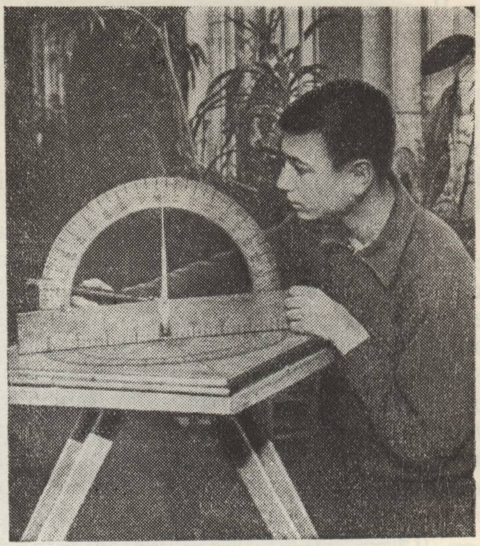
Ну как, например, не дать место большому обломку окаменевшего ствола араукарии! Правда, с виду он не особенно интересен, но когда учёные узнали об этой находке, они попросили рублёвских ребят поделиться этим редкостным экспонатом. Теперь в музее Академии наук лежит подарок школьников — кусок рублёвской араукарии.

Учёные рассказали ребятам, как выглядела эта араукария, и в школьном музее рядом с древним обломком висит на стене рисунок, изображающий зелёного великана, некогда росшего здесь, совсем недалеко от теперешней школы.

И восьмиклассник комсомолец Лёня Бахурин с особенным удовольствием рассказывает о том, как в одной из экскурсий он запнулся ногой за этот ценный экспонат. Наткнуться на такую находку мог бы, конечно, каждый, но далеко не каждый притащил бы в школу тяжёлый камень, не всякий поехал бы с ним в Москву, не всякий добился бы приёма у занятого профессора.

Лёня — председатель географического общества, его колокольчик звенит властно, требуя тишины, когда юные географы собираются все вместе, чтобы обсудить накопившиеся за месяц дела. А дел у географов много: нужно заслушать отчёты о далёких и близких походах, нужно утвердить планы дальнейшей работы секций...

Много дел у юных географов, много обязанностей, но самая главная, самая важная обязанность — хорошо учиться. Устав общества «Юный географ» неумолим: стоит единственной двойке появиться в табеле ученика,— и такой ученик автоматически исключается из состава общества. И тогда, будь ты самый отважный путешественник, тебя не возьмут летом на Белое море, ты не поедешь с товарищами на Иссык-Куль и девонские отложения под Тулой будут изучать без тебя.. Множество интересных дел станут недоступными для тебя.

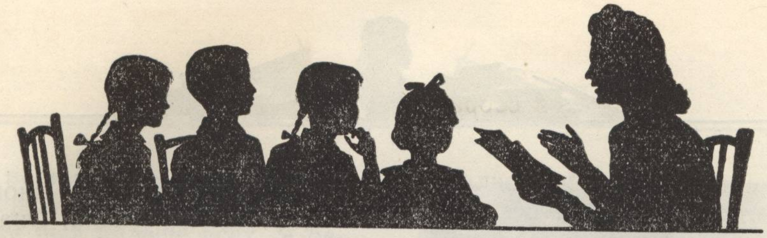
Председатель географического общества Лёня Бахурин определяет высоту солнца.

Зато в школьном музее бережно хранится почётная грамота Центрального комитета комсомола, которую получил бывший председатель общества Лёня Филиппов за умелое сочетание отличной учёбы с общественной работой.

Тут же в школьном музее заслуженный учитель РСФСР, дважды орденоносец, Фёдор Павлович Калинин проводит уроки географии. Тогда закрываются витрины, на столе появляется глобус, на доску вешают карту.

Раскрыв тетради, за партами тихо сидят ученики. Фёдор Павлович рассказывает о том, что такое горизонт, как образуются горы, откуда приходят облака... Ребята вспоминают то, что уже видели на экскурсиях и в походах, то, что изо дня в день, из года в год наблюдают они на школьной метеостанции. И география становится для них очень простым и очень интересным предметом.

А Фёдор Павлович глядит на своих помощников, на их красные пионерские галстуки, на их комсомольские значки, на отметки в их табелях, и за колонками пятёрок представляется ему светлое будущее нашей прекрасной страны и большие дела, которые ждут этих маленьких граждан.

Первые шаги

Страницы из литературного журнала учеников шестых классов

Читая страницы этого журнала, так и представляешь себе, как ребята сидят и рассказывают друг другу разные истории. Вместе с ними сидит Зинаида Павловна Шершавецкая, их учительница и редактор журнала «Первые шаги». Она слушает и изредка поправляет: «А вот здесь не так надо было сказать, вот как надо...»

Каждый, кто хочет, может написать рассказ или стихотворение, и все интересные рассказы и хорошие стихи редакция поместит в журнале.

Журнал выпускается в одном экземпляре, но читать его могут все, он переходит из рук в руки.

Сегодня пришла и наша очередь прочитать его.

Страшные годы

В 1941 году я кончила первый класс и перешла во второй. Нас отпустили на каникулы. Через несколько дней к нам в гости из деревни приехала мамина сестра с мужем. Они звали меня к ним в гости.

Мы выехали двадцатого июня, а двадцать первого были в деревне. Меня встретили очень хорошо. Но через день началась война. Я очень скучала и хотела домой. Вскоре пришло письмо от папы. «Пусть Юля выезжает»,— писал он бабушке.

Я уже собралась ехать, но через несколько дней я получила ещё письмо от папы. Он писал: «Юля, оставайся в деревне. Все дети сейчас уезжают».

Так я и осталась жить с бабушкой и тётками. Папа писал, что пошёл на войну. А мама никуда не уезжала, она оставалась в Рублёве.

Через месяц к нам в деревню пришли немцы. Мы их очень боялись. Они ходили по домам и собирали яйца. Два немца пришли к нам:

— Матка, давай яйки!

Бабушка сказала, что яиц нет. Немец вытащил наган и сказал:

— Давай, матка, яйки, а то убью!

Мы очень испугались. Бабушка отдала немцам с испугу все яйца. Когда они ушли, пришли другие. А яиц уже не было. Они всё обыскали и ушли.

Муж моей тёти был партизаном. В деревне был предатель, и он сообщил фашистам, кто носит партизанам хлеб и все продукты. Дядю схватили. Его стали допрашивать, где лежит оружие и где находятся партизаны. Он ничего не сказал.

Дядю Павла вывели на улицу, а нас вывели смотреть, как его будут рвать собаки. Он был весь грязный и мокрый. Жена его упала в обморок, а мы все горько плакали. Я даже не видела, как его рвали

Два немца пришли к нам.

собаки: я услыхала его крики и бросилась бежать.

В городе вылавливали и били евреев. Один раз пришли к нам в дом жандармы. Они думали, что я еврейка. Они крутили мне руки и очень били меня. После этого я стала заикаться: они меня очень испугали.

Однажды немцы стали поджигать нашу деревню. Мы узнали, что они отступают и Красная Армия уже близко.

Немцы сожгли всю деревню, и мы стали жить в лесу.

Вот наконец вошли наши войска. Они расположились в хатах, которые немцы не успели сжечь. Шёл дождь. Я тихонько зашла в сенцы. В сенцах стоял капитан. Он у меня спросил, откуда я. Я ему ответила. Капитан узнал меня, он сказал, что сам из Черепкова,— это недалеко от Рублёва. Он сказал, что мама жива и здорова, а папа бьёт фашистов.

Прошло месяца два. Я получила письмо от мамы. Она мне написала, что погиб папа, защищая меня, маму и Родину. Он погиб в 1943 году, в феврале, под Ленинградом.

Мама приехала за мной в июле 1944 года. Я её не узнала. Она меня тоже не узнала — такая я была худая, похожа на бабушку.

Мне очень жалко было расставаться с бабушкой. Я приехала домой, и меня встретили подруги. Сначала я разговаривала по-белорусски (бабушка жила в белорусской деревне), и они меня плохо понимали. Но скоро я вспомнила свой родной русский язык.

Я пошла в школу, во второй класс. Я ничего не знала. Диктанты я писала плохо, а задач решать не умела. Учительница Анна Ивановна стала со мной заниматься, и я исправилась.

Один раз я рылась в столе и нашла пачку писем. Я стала их читать. Эти письма были от папы. В каждом письме он писал: «За Юлю я отомщу фашистским захватчикам».

Я читала их и очень плакала.

Юля Обыночная

Волки

Когда мне было девять лет, мы жили в деревне. Деревню окружали густые леса и глубокие поросшие кустарником овраги. В этих лесах и оврагах водилось очень много волков. Они даже днём нападали на стада овец. Летом они были сыты, но зимой рыскали по дорогам и подходили близко к деревням. Не один раз ночью я с трепетом слушала их заунывный вой.

Один раз вечером мы катались на горе за деревней. Мы падали в снег, смеялись и кричали. Было уже темно. Вдруг совсем рядом, в ближнем овраге, раздался вой

голодной стаи волков. Все мы с криком бросились в деревню и разбежались по домам. Мой дом был дальше всех. Я бежала одна.

Около нашего дома был большой сугроб. От страха я не разбирала дороги и застряла в этом сугробе. Долго не могла я вылезти из снега, но наконец я, вся засыпанная снегом, ввалилась в комнату.

Проснувшись утром, я узнала новость: у нас на дворе волк проломил плетень и утащил овцу.

Настя Баринова

Встреча в лесу

Однажды тихим летним вечером мы возвращались из лесу. С нами повстречалась и пошла вместе седая старушка.

— Бабушка, расскажите нам что-нибудь,— попросили мы.

— Да что рассказать-то? — спросила она.— Э, да ведь я вспомнила: сегодня Иванов день!

— А что такое «Иванов день»?

Старушка сказала, что раньше было поверье, будто один раз в году, 24 июля, цветёт папоротник и тот, кто найдёт этот цветок, найдёт и своё счастье.

— А вы искали его? — спросили мы.

— А как же не искать? Искала,— сказала старушка.

И вот что она рассказала нам:

— Вечером в Иванов день пошли мы с подружками искать этот цветок. Пришли в лес и разбрелись кто куда. Осталась я одна. Иду, задумалась и уж не смотрю на цветы. Вдруг выходят из-за деревьев несколько человек. Впереди красивый, плечистый паренёк:

— Девушка, как пройти в деревню?

— Вон дорога-то, близко,— отвечаю я.

— Да нет, нам так, чтобы не видно было... Мы из тюрьмы убежали,— сказал другой.

— Ну пойдёмте, провожу,— сказала я и повела их самыми глухими тропинками.

«Вот тебе и нашла цветочек»,— думала я.

У нас в деревне стали ходить слухи, что скоро будет революция. По деревням начались собрания и митинги. Было собрание и в нашей деревне. И вдруг там выступил тот самый паренёк, которого я в лесу тогда встретила. Он говорил о трудной жизни, которую нам царь и помещики устроили, и о борьбе за другую, радостную жизнь. Он узнал меня, после собрания подошёл ко мне и говорит:

— Надо и в вашей деревне собирать девушек и вести с ними революционную работу. Надо и вам за счастливую жизнь бороться.

Вскоре он уехал в город. А потом я узнала, что его схватили жандармы. Сколько слёз я тогда пролила!

Но советская власть победила, и мы дождались той привольной жизни, о которой он говорил. Теперь уж нечего ходить в лес своё счастье искать. Вот оно, наше счастье,— наша жизнь.

— Спасибо вам, бабушка,— сказали мы, когда она кончила свой рассказ.

— За что спасибо-то? Вспомнила свою юность...

И мы расстались.

Люба Шарова

Зима наступила

Зима наступила.
Пушистым снежком покрылась земля.
И только вдали, за рекою замёрзшей,
Одетые в иней чернеют леса.
Днём курятся избы ближайшей деревни,
А ночью к ним тихо крадётся лиса,
И умные псы, заливаясь от злости,
Не могут сидеть на цепи у двора.

Инна Швачкина

Нина Розенкноп

Рис. В. Цельмера

Этот рассказ делится на две части.

В первой — мы даём характеристику нашего героя, а во второй — рассказываем о том, что с ним произошло.

Первая часть — это классное сочинение Бори Барабанова «Характеристика моего друга». Вот оно:

«Я дружу с Немцовым Василием. В школе мы сидим за одной партой.

Сидим мы, конечно, не так, как Головин с Андриановым (мальчики, которые постоянно ссорятся. — Примечание редакции.).

У Немцова волосы всклокоченные, глаза карие и правильные черты лица. Грудь у него широкая, и он этим гордится. Иногда расстегнёт пуговицы на рубашке и показывает мне: вот, мол, грудь моряка.

Одежда у него хорошая, только пиджак немного подводит. Мальчик он неаккуратный. Я всю неделю вижу у него небольшую дыру на пиджаке, он её до сих пор не зашил.

Мальчик он деловитый. Он всегда записывает в тетради главное, что рассказывает учитель.

Он очень любит природу, любит читать и иногда прочтёт какую-нибудь книгу и воображает себя героем этой книги. Один раз я испробовал это на себе. Он ударил меня кулаком по плечу и сказал: «Я чапаевец».

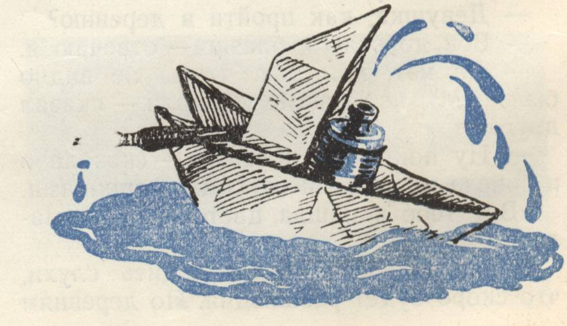
Окружающие относятся к нему хорошо за его ум. Мне он тоже нравится.

Он любит думать о будущем и мечтает стать моряком...»

В этом сочинении мы видим полную и беспристрастную характеристику Васи Немцова. Как и полагается, Боря не скрыл от нас ни хороших, ни дурных черт своего друга и героя сочинения.

Теперь, когда мы знаем, с кем имеем дело и какой человек Вася Немцов, мы расскажем историю, которая произошла с ним, с будущим моряком, в суровом море, именуемом «грамматика».

...Хорошо тому, кто отплыл в ясный день и сразу взял правильный курс. С Васей, к сожалению, случилось по-другому. Где-то, нето ещё в первом классе, нето во

втором, он не выучил первые правила грамматики — и весь его дальнейший путь пошёл из-за этого среди рифов и подводных скал. Они неожиданно выскакивали в контрольной работе, в диктанте, в сочинении, и ошибка за ошибкой, пробоина за пробоиной сотрясали остов корабля. Наконец корабль стал тонуть. Это случилось в шестом классе, когда уже большой путь был за плечами. Шестой класс — это уже открытое море.

Васю обдавало холодом двоек, грозные шквалы зарождались на горизонте второй четверти. Васю охватило отчаяние, и был момент, когда он сложил руки и отдался воле волн: что будет, то будет...

Но разве так поступает настоящий моряк в трудную минуту? Тем более если этого моряка «окружающие уважают за ум», как сказано в сочинении Бори Барабанова.

Нет, настоящие моряки не сдаются! Расправив свою широкую грудь, Вася принялся за дело.

Учительница Зинаида Павловна была удивлена, когда очередное сочинение Вася написал на четвёрку.

Подождав, пока разойдутся все ребята, она подозвала Васю.

— Вася, сознайся,— сказала она,— ты списал у Бори или ещё у кого-нибудь?

Вася сердито мотнул головой:

— Нет!

— Но почему же у тебя на этот раз всё так удачно? Почти без ошибок.

— Я старался запомнить, как пишутся трудные слова, про которые вы рассказывали прошлый раз. Вот и запомнил.

Зинаида Павловна недоверчиво покачала головой. Не раз она встречала мальчиков и девочек, которые в трудную минуту хватаются за соломинку и начинают отчаянно списывать у своих товарищей. Она не сразу поняла, что перед ней стоит представитель одной из самых мужественных профессий. И она попросила:

— Вася, напиши на доске вот такие слова...

Он написал безошибочно.

— Почему они так пишутся?

Вася ответил. И впервые Зинаида Павловна услышала в его ответе ясные формулы грамматических правил.

Однажды вечером кто-то постучал в дверь Зинаиды Павловны. Она открыла дверь и увидела Васю. После первых минут, полных смущения и извинений за свой поздний приход, Вася сказал:

— Зинаида Павловна, я сегодня не понял, почему иногда пишется «в течение», а иногда — «в течении». Объясните мне, пожалуйста.

И лицо Зинаиды Павловны озарилось радостью: перед ней стоял не пустой мечтатель и плохой ученик, а маленький мужественный моряк. В трудную минуту, когда его корабль тянуло ко дну, он нашёл в себе силы и поборол грозный шквал. Он учил грамматику так терпеливо, настойчиво и упрямо, как это и нужно в серьёзном деле.

Вот как поступают будущие моряки!

Старшие и младшие

Н. Александров

Рекорд Жени Макеева

Возможно, они взяли старт одновременно, Слава Шелкович, десятиклассник, чемпион школы по бегу, и маленький Женя Макеев, самый неудачливый бегун шестого класса. Слава бежал на соревновании московских школьников и прибежал первым, он показал хорошее время — 100 метров за 12,2 секунды. А Женя состязался со своими одноклассниками, он, как всегда, прибежал последним, и беговая дорожка — школьный коридор — снова была свидетелем его поражения.

Слава высокий, у него сильные ноги и, как говорит учитель физкультуры, прекрасные задатки легкоатлета.

У Жени никаких особых задатков нет. Он совсем не высокого роста и стоит на левом фланге чуть ли не последним. Ноги его, словно им лень, едва отрываются от земли. А руки у Жени слабые, он даже ни разу не может выжаться на перекладине.

Конечно, самое простое — рассказывать не о таких мальчиках, как Женя, а о Славе Шелковиче, победителе, лучшем бегуне школы, улучшившем ещё на две десятых своё время.

Но, оказывается, и у Жени есть своя победа: на его груди сияет значок БГТО.

— Ах, какая победа! — насмешливо усмехнутся, быть может, некоторые гордецы.— Пробежать 100 метров за 14 секунд — да это же очень просто!

Не усмехайтесь, гордые люди.

Женя, которому и во сне не снятся аплодисменты зрителей, упорно, так же как и прославленные бегуны, добивался победы — ещё маленькой, ещё скромной, но очень важной.

Ему трудно было сдать нормы. Он тренировался и на своём дворе, и в школе, и в лесу. Каждое утро он делал зарядку и даже глубокой осенью совершал свои обязательные пятнадцатиминутные пробежки. Он тренировался так упорно, как будто шёл на побитие рекорда.

Ему и сейчас не догнать Славу. Это не удаётся и ребятам постарше. Но в той школьной таблице, которая начинается именем Славы Шелковича, есть место и для Жени. Да, и он добился рекорда в 1948 году: в этом году он сдал нормы на значок БГТО.

Но не подумайте, что я рассказываю о Жене потому, что это единственный мальчик, который сдал нормы на значок БГТО.

Нет, преподаватель физкультуры Николай Моисеевич Коверов так интересно проводит свои уроки и занятия физкультурного кружка, что все четырнадцатилетние мальчики и девочки, которые учатся в этой школе, уже сдали нормы. Просто Жене было труднее других, но он проявил большое упорство.

Чемпионы школы тренируют

Нет ничего удивительного в том, что чемпион по бегу — десятиклассник Слава Шелкович, по лыжам — ученик восьмого класса Коля Родичев, что школьный кубок по футболу завоевала коман-

Ярослав Титов. «НА КАТКЕ».

да девятого класса, что самая лучшая гимнастка— Нина Прохорова, ученица девятого класса.

Нет ничего удивительного в том, что по всем видам спорта они обгоняют пятиклассников, шестиклассников и даже ребят из седьмых классов: все эти ребята и старше, и сильнее, и более тренированны.

Но было бы очень скучно дожидаться того времени, когда перейдёшь в девятый или десятый класс. Тогда бедным пятиклассникам пришлось бы томиться целых четыре года. Ну, а если не ждать четыре года, а попробовать свои силы сейчас?..

Такое смелое решение приняли футболисты шестого класса. Они записали свою команду в список участников на розыгрыш школьного кубка по футболу и твёрдо решили выиграть.

Теперь я предоставляю слово капитану команды Жене Дерюгину:

— Когда мы узнали, что наша команда принята в розыгрыш, мы стали каждый день тренироваться с 11 до 12 часов утра. В это время у нас случилась неприятность: один хороший игрок получил двойку по алгебре, и его пришлось вывести из команды. Это сказалось на нашей игре. Оставался самый главный матч — с командой девятого класса, которая тоже вышла в финал без поражений. Перед этим матчем мы очень волновались.

В первом тайме на пятнадцатой минуте с бокового удара мы забили им гол. А во втором тайме ветер был против нас. Мы проиграли. Это было очень обидно...

Жене кажется, что во всём виноват ветер. И откуда только он налетел во втором тайме? Но люди более беспристрастные утверждают, что девятиклассники лучше играли. Так, наверно, и было. Ведь все эти коварные ветры, и солнце, бьющее в глаза, и мокрая, скользкая трава как будто нарочно помогают победителям и непременно мешают побеждённым.

Но даже в поражении шестиклассники почерпнули многое для будущих побед. Стоило только послушать разговор шестиклассников после матча. Они говорили вовсе не о ветре, а о том, как берёт верхние мячи Игорь Токмаков и как Толя Обижаев и Володя Чапыгин дают друг другу точные и короткие пасы.

— А у нас этого нет! — говорили шестиклассники.

К чести победителей, надо сказать, что они с большим уважением отнеслись к шестиклассникам, которые так смело вступили в футбольный бой. Конечно, единоборство между старшими и младшими возможно только в таком исключительном случае, как розыгрыш школьного кубка. И очень важно, что в школе существует дружба между спортсменами старших и младших классов.

Коля Родичев в комитете комсомола отвечает за физкультурную работу. Сам Коля—чемпион школы по лыжам.

Комсомольцы всегда помогают Николаю Моисеевичу на физкультурных занятиях с младшими ребятами.

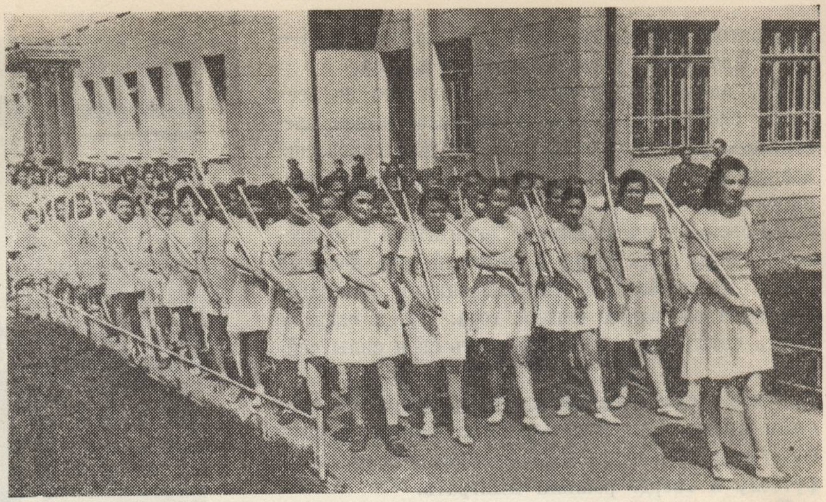
...Вот Слава Шелкович ведёт по беговой дорожке целую группу пятиклассников. Вот Нина Прохорова ведёт занятие с тридцатью девочками-гимнастками. Опираясь на её руку, делает «мостик» ученица шестого класса Людмила Ерункова. Вот чемпион по лыжам Коля Родичев, пользуясь редкими в этой бесснежной зиме «лыжными» днями, ведёт целую команду в лес. Вот маленькие зрители восхищённо смотрят на подачу Эли Сте-

лановой. От её удара волейбольный мяч с силой пролетает над самой сеткой...

Всюду, где кипит спортивная жизнь, мы увидим старшеклассников-комсомольцев. Они не кичатся своими успехами, не смотрят через плечо на тех, кто пониже их ростом и не умеет ещё так ловко бегать и играть. Они знают, что стране дороги все школьники: Слава Шелкович и Женя Макеев, Нина Прохорова и Людмила Ерункова.

Комсомольцы, гордясь своими чемпионами, помнят и о маленьком Жене и о всех мальчиках и девочках, которые учатся в школе. Эти ребята должны вырасти сильными, смелыми и мужественными, такими они нужны Родине.

Участники школьного физкультурного парада, который состоялся в сентябре прошлого года в честь тридцатилетия комсомола.

На параде

В первый раз этот парад состоялся на школьном дворе, а потом его повторили на настоящем стадионе. Все жители Рублёвского посёлка пришли смотреть на парад. Шестьсот ребят в фиолетовых, жёлтых, синих и красных майках прошли стройной колонной, а потом начали свои гимнастические упражнения. В руках у них появились коричневые палки. И хотя эти палки были неважной подробностью в пирамидах и упражнениях, они говорят о том же, о чём говорит и весь парад,— об организованности ребят.

Кажется, очень просто сделать палку: срезать с дерева ветку, очистить от сучков, обтесать и окрасить в коричневый цвет — вот и готово дело. Ну, а если нужна не одна, а шестьсот палок? Это гораздо сложнее. Вспомните, как часто срываются и более простые дела из-за того, что кто-то забыл сделать то, что было поручено, а у кого-то не оказалось времени.

Я помню, как однажды одно звено пионеров собралось сажать деревья. Но те ребята, которым поручили принести лопаты, не принесли их. Ребята постояли, постояли и пошли домой. А ведь принести лопаты было совсем просто.

Представьте себе, сколько таких «забывчивых» могло оказаться среди шестисот ребят! Но, к счастью, в этой школе организованные и дисциплинированные ребята. Поэтому парад и удался.

«Организованность» — это очень строгое и хорошее слово. Я впервые понял его в ту ночь, когда увидел на фронте первую боевую тревогу.

— В ружьё,— негромко сказал командир.

И все бойцы, которые минуту назад крепко спали, мгновенно оказались на ногах. И в руках у них уже были винтовки.

Удар гонга возвестил тревогу — и с орудия слетел чехол, расчёт занял свои места.

Бессонный прожектор стал шарить по небу. Солдаты-пехотинцы, живущие в шалаше, и пушка, стоящая в артиллерийском полку, и огромный прожектор, установленный за лесом,— всё немедленно оказалось в боевой готовности.

В полной темноте окопов солдаты бесшумно занимали свои позиции. И в тот момент, когда подползавшим фашистам казалось, что рота ещё спит, все уже были на своих местах.

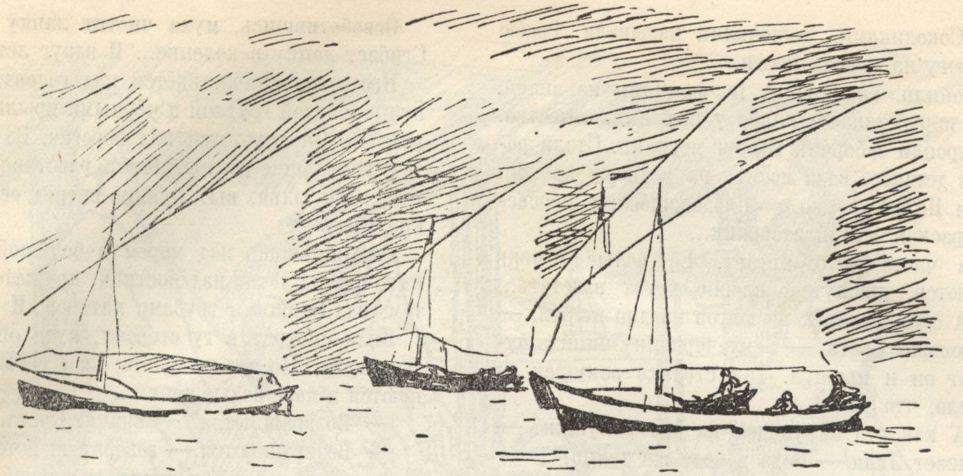
В ту ночь я понял, какая огромная сила таится в простом слове «организованность».

Вот почему для меня парад всегда интересен не цветом костюмов, не пышностью украшений, порой даже не замысловатыми упражнениями, а той организованностью, которая сквозит во всём.

О ней рассказывают и простые коричневые палки.

Эту организованность внесли комсомольцы. Они ведут за собой всех ребят.

Бабушкино море

Повесть С. Георгиевской *(Продолжение)* Рис. Н. Цейтлина

«Рыбалят»

Третий час. Как жарко!

Разомлев от жары, Ляля, Света и Люда плетутся вдоль берега.

Говорить им трудно. Чтобы говорить, надо громко кричать, потому что на берегу очень людно и шумно.

Над самым обрывом, который навис над морем, стоит, весь в лесах, большой пароход, похожий на дом.

На лесах, свесив ноги, сидят босые рабочие. Их так много, будто все люди из бабушкиной станицы прибежали сюда и взобрались на леса. Это они стучат молотками о железный бок парохода. Под ударами их молотков пароход звенит, гудит и звякает.

...Два раза в жизни Ляля ездила с маминой мамой, бабушкой Капитолиной, на пароходе по Неве. Но у тех пароходов видны были только полы и перильца. Всё остальное — и бока и дно — оставалось под водой.

А у этого, здешнего, парохода видны бока, видно и днище. Бока у него шершавые, все в ракушках. Это море его облепило ракушками, когда он тоже плавал в воде.

Ляля останавливается и подымает голову.

— Что глядишь? — говорит Люда.— Не видывала ремонта?

— Видывала! — отвечает Ляля и отворачивается. Она никогда не видала ремонта.

Постояв немного возле судоремонтной верфи, девочки идут дальше.

В ушах у них теперь уже не так сильно звенит. Чем дальше они отходят, тем глуше шум. Далеко за ними остался вытащенный на берег пароход, одетый в леса.

Всё тоньше, всё дальше, всё глуше шум у них за плечами.

Ляле кажется теперь, что это тишина гудит и жара гудит. Гудит жаркий воздух и жаркий песок.

Как жарко!

Люда, Света и Ляля садятся в тень, под скалой, на камешек. Море совсем не колеблется. Кажется, будто и морю жарко. Из его глубины торчит неподвижный и толстый палец — вышка землечерпалки.

Когда-то, в войну, здесь стояли немцы. Они хотели забрать себе море, и берег, и землю в станице — так рассказывает Люда. Это немцы разбили землечерпалку. С тех пор она перестала черпать ил и песок со дна, но до сих пор ещё торчит над водой её ржавая вышка.

— Ой, а чего здесь было! — задумчиво говорит Люда. — Вот раз, когда уже немец утёк, вышел ранним утречком на берег дед Никифор. Видит, три морячка лежат на песке. В моряцкой одежде, в хороших сапожках... На одном майорские погоны. На другом — капитанские. А третий — рядовой. Матрос. Дед бегом до колхоза. Так и так. Прибило к берегу морячков... Сбежались бабы со всей станицы... Смотрят, в лица заглядывают. Всем страшно, не свои ли, не родные ли?.. Не признали за свойственников. Стало быть, с дальнего берега землячки.

Захоронили их вон там под клёном. Шибко пла-

кали. Соколиками, сыночками называли. Гробы всю дорогу на плечах несли.

Схоронили, конечно. А по фамилии не знаем. До сих пор не знаем, какое у них имя, отчество.

Выстроили заборчик вокруг могилки. Стали ребята из детского сада носить на могилку цветки. А летом Нетопорченко с «Плодовощбазы» просвежает краской ихний заборчик...

Люда часто-часто мигает. Её белые бровки вздымаются, движутся, словно хотят взлететь...

— А один паренёк из юнгов на дно нырял, — вдруг говорит Света. — Землечерпалку чинить будут, вот он и нырнул. Так столько ракушек на ней осело, что ужас!

— А как это он увидел на дне ракушки? — спрашивает Ляля.— Ведь в воде же темно!

— Очень просто. Вот эдак. Взял да увидел.

— А под землечерпалкой этой,— вдруг говорит Люда, — один дедка живёт... Так волоса у него до пяток. Вместо пальцев крабы, вместо глаз медузы. Ну, а вместо носа камыш...

— Нет такого деда! — говорит Ляля.

— То есть как это «нет»! — удивляется Люда. — А ты докажешь? Вредная какая! Деда нет, а цепки посредине поля есть? Ага! Губы сразу-то подобрала... Молчишь...

— Не молчу! — говорит Ляля и вспоминает, что надо обидеться. Но ей лень обижаться: так жарко!

Вот лежит медуза на бережку. Это море выбросило её на песок.

Медуза тает. Ей, наверно, тоже жарко.

Девочки поднимаются. Лениво гуськом бредут они вдоль берега. Берег пустынный. Кругом ни души. Но вдруг Ляля видит, что на берегу стоит седой человек. Он стоит в странном доме без стен, но зато с широкой красивой крышей из камыша. Человек спокойно смотрит вперёд, на море. На нём белый передник и шапка зюйдвестка. Перед ним большие весы.

— Приёмщик,— говорит Света.

— Заядлый он! — объясняет Люда. — Такой скандальный... Дед Матвеич, который сменщик ему, тот много потише...

А «Заядлый» даже и не глядит на девочек. Он почёсывает затылок.

На песке, рядом с ним, лежит лодка с опрокинутым кверху днищем. Её днище просмолено. Из терпко, пряно и сладко пахнущей черноты рвётся мелкая мошка. Мошка увязла в смоле. Она вздымает крылышки и жужжит. Ей тяжело.

— Давай-ка отпустим её,— говорит Света. — Если мошку, или осу, или птицу на волю отпустишь, так рыбаку полегчает в море — много рыбы пойдёт.

— Отпустим, отпустим,— говорит Ляля.

И девочки отдирают мушиные ножки от днища лодки.

Освободившись, муха чистит лапку о лапку. Сгибает лапку в коленке... И вдруг летит...

Протяжно крича, вьётся над головами девочек птица с белой грудкой и чёрными крылышками — мартын. Он кружится над берегом. За ним летят другие большие птицы. Летят, расставив широкие, тяжкие крылья, вытянувши вперёд свои маленькие головки.

Соединившись над морем в большой треугольник, птицы летят над мостком, кружатся над портом, над спящими трубами катеров. И пропадают.

Ляля смотрит в ту сторону, куда они улетели. Там пусто. Но вот ни с того, ни с сего опять виднеются в море белые точки...

— Возвращаются? — кричит Света.

— Возвращаются,— говорит шопотом Ляля.

А птицы летят так низко, над самой водой. Всё море покрыто белыми точками. И вдруг они начинают вздуваться горбом, разрастаться облаком... И Ляля видит, что это не птицы, а паруса.

— С рыбалки идут! — говорит Люда.

Лодок много. Они плывут по гладкой воде, обгоняя друг друга.

Ляле видно, что люди на лодках работают: опускают паруса. Паруса осторожно соскальзывают вниз по канатам. Их треплет ветер. На минутку они становятся будто кривыми и рвутся из рук рыбаков. Потом покорно падают на дно лодок.

Паруса опали. Они больше не помогают лодкам плыть. Теперь рыбаки отталкиваются от дна большими шестами.

Когда первая лодка подходит к берегу, девочки видят, что на дне лодки много разной рыбы.

«И никто не знает, что всё это оттого, что мы отпустили муху», — думает Ляля.

А люди в лодках то прыгают прямо в воду и тащат свои лодки на берег, то лезут обратно в лодки и выносят оттуда свёрнутые паруса... Они топчут рыбу ногами. Они вычерпывают её из лодок огромным сачком.

На берегу становится людно и шумно. Со всех сторон сбегаются люди. Как много, оказывается, людей в станице у бабушки! Все суетятся, кричат.

Люди, сбежавшиеся на берег из станицы, приносят с собой огромные плетёные корзины. И рыбаки высыпают в корзины рыбу.

— Принимай!.. — кричат рыбаки приёмщику.

— Ну, ну,— отвечает седой приёмщик.

И дюжие, загорелые дочерна парни, два рыбака, взяв корзину за оба ушка, с трудом тащат её на весы.

Шумно на берегу. Одна за другой приближаются к берегу новые лодки.

— Даёшь! — кричат рыбаки с берега.

— Трос крепи! Крепи трос! — орут не своими голосами люди на лодках.

И все люди, все рыбаки, сколько их прибыло

с моря, выбрасывают из лодок в корзины, на песок, на мокрую траву огромных и скользких рыб.

У рыб белёсые глаза и плоские пасти с мельчайшими острыми зубками. Рыбы сгибают и разгибают узкие спинки. Они блещут чешуйками. Они пахнут солью.

Вокруг толпятся ребята.

Ребята щупают рыбу руками, трогают пальцами её колючие пёрышки. Рыба тяжко поводит узкими скользкими боками. Она то лежит притихшая, то вся изгибается и открывает рот.

— Гляди, белорыбица,— говорит Света и гладит рыбу по узкой спине.

— Да, улов ничего,— отвечает Люда.

Она садится на корточки перед большой нежно-сиреневой сетью. Сетями уже покрыт весь берег.

— Не зевай, а то хлопцы всю рыбу выберут,— говорит Ляле Света.

Ляля не знает, откуда выберут рыбу хлопцы, но тоже садится на корточки.

— Не мешай! — кричит Люда.

— Я ж не мешаю! — кричит Ляля.

— Тяни! — кричит Света.

И Ляля видит, что Люда, Света и все ребята вытягивают рыбёшку из нитяных глазков сети. Она тоже хочет вытянуть рыбёшку из нитяного глазка. Она тянет мокрую сетку. Потом хватает рыбу за узкий бьющийся хвостик. Хвостик скользкий.

Ляля тянет рыбу, а рыба виляет хвостом.

— Ты же не так таскаешь, — вот эдак, — говорит Света.

И Ляля тянет «вот эдак». Она порезала палец о мокрую острую нитку.

— Эх, и тёмная ты! — говорит Люда.

— Неправда, неправда! — кричит Ляля. — Просто я палец порезала.

Она искоса смотрит, как ловко и быстро Люда вытягивает из сети рыбёшку. Одной рукой она осторожно обхватывает подвижное рыбье тельце, другой осторожно и мягко нажимает на рыбьи жабры. Рыба, словно намыленная, сейчас же выскальзывает из нитяного глазка.

«Счастливая, ей попалась другая рыба», — думает Ляля и обсасывает порезанный палец.

Подумавши, она выбирает рыбу побольше, осторожно нажимает рукой на жабры... Но жабры у этой рыбы тоже подвижные. Рыба дышит. Она виляет.

— Ну? Ты сколько насбирала? — говорит Света.

И Ляля видит, что рядом с Людой и Светой уже лежат на песке большие подвижные горки. А перед Лялей — только одна рыбёшка.

— Ой, глядите, глядите, сколько насобирала! — кричит Люда и тычет пальцем в лялину рыбу с помятыми жабрами.

Все ребята смотрят на лялину рыбу. И вдруг какой-то один, в рубашечке, совсем ещё маленький, громко смеётся. Перед ним, на песке, пять рыб.

Ляля встаёт и молча отходит в сторону.

Когда вся рыба уже выбрана из сети, ребята сваливают её в корзину, и двое мальчиков тащат корзину к весовщику.

«Им хорошо,— грустно думает Ляля, посасывая порезанный палец.— Только вот я тоже научусь и когда-нибудь всю рыбу из моря одна повытаскаю... Сама. Одна. Тогда, небось, не будете смеяться».

— Эх!.. Да никак Варвару Степановну видать! — кричит кто-то на берегу.

«Бабушка»,— вздыхая, думает Ляля и оглядывается в ту сторону, где стоит бабкин дом.

Но бабушки не видать. Только в море плывёт одинокая лодка. И почему-то все кругом говорят:

— Э, да никак видать Варвару Степановну.

«Все мою бабушку видят, а я не вижу,— думает Ляля, поворачиваясь то направо, то налево. — Это потому, что я тёмная...»

А огромная лодка плывёт по морю, и вот уже виден острый брусок над лодкой, её широченный парус... Потом становится видно, что в лодке стоит человек.

Он в большой клеёнчатой шапке, в куртке и брюках. У него босые ноги, а брюки закатаны... Из-под брюк виднеются мускулистые, жилистые икры.

— Выгружай! — кричит человек на лодке (вместо «гру» у него получается «хру»)...— Выхружай! — и прыгает в воду.

Лицо у него перекашивается от усилия. Он вцепляется в нос лодки. Вместе с другими рыбаками он тащит лодку на берег.

— Есть! Взяли! — кричит человек не своим, а каким-то хриплым, надсадным голосом.

Когда лодку наконец вытаскивают на берег, с человека слетает шапка, и ему на лицо падают седые длинные волосы.

Ляля вся замирает, широко раскрыв рот. Это бабушка.

— Ба-бу-шка! — говорит она.

— Ишь,— говорит бабушка. — И ты здесь? Откуда взялась? Кто па берег пустил?

— Ой, не тётя Сватья, — испуганно отвечает Ляля и сразу прикусывает язык; ей кажется, что она сказала не так, как надо.

Хорошо ещё, что бабушка ничего не заметила. Она смотрит на весовщика.

— Ну? — кричит бабушка весовщику.

Заслышав бабушкин голос, седой весовщик опускает руки по швам.

— Ничего, порядочек, Варвара Степановна,— говорит весовщик и вытирает о белый передник скользкие руки.

Робко, через плечо, Ляля поглядывает в бабушкину сторону. А бабушка, избочась, стоит рядом в своей клеёнчатой шапке и громко кричит какому-то мальчику-рыбаку:

— Эй, Степан, сортируй чередом, чередом сортируй, говорю. На танцах-баланцах вы мастера, а как дело, так подавай вам Варвару Степановну. Отыскали себе в бригадирши коня!.. Чередом сортируй, говорю. Так то ж камса... Куда ты с тюлькой мешаешь?

Степан чуть не плачет.

Увидев это, бабушка сердится ещё больше и даже отталкивает его. Она наклоняется над рыбьей горой... Бабушкины руки в закатанных рукавах клеёнчатой куртки тонут в груде рыбы, словно в горе серебряных монет.

Ляля видит, что бабушка вся покрыта рыбьей чешуёй: у неё серебряные руки, серебряные ноги... Даже в седых её волосах блестит чешуя.

Какой-то высокий рыбак, стоящий рядом с Лялей, говорит шопотом другому рыбаку:

— И в сторону мою не глядит. Сказал ей кто-то, будто я в Рыбкопе литровку брал в буден день. Так в мою сторону и не глядит. А я и не брал вовсе.

Ляля слышит, что говорит рыбак, вспоминает, как бабушка только что обозвала Степана «танцем-баланцем», и думает:

«Вот мама уедет, а я с ней останусь одна... Что тогда будет? Вон она какая сердитая!..»

А сердитая бабушка, согнув старую спину, отбрасывая со лба волосы, покрытые серебряной чешуёй, сортирует остаток рыбы. Большую складывает в большую корзину, а маленькую — в корзину поменьше.

Наконец она бросает последнюю рыбёшку в корзину, обтирает лицо рукавом, сдвигает локтем на затылок резиновую шапку и громко кричит:

— Разве ж это камса? Не камса это вовсе, а тюлька какая-то!..

(Продолжение следует.)

„КРОКОДИЛЁНОК"

(Из дневника Сени Ложечкина)

Ю. Сотник **Рис. В. Константинова**

24 января.

Сегодня впервые за полгода я не пошёл к Кириллу, чтобы готовить вместе домашние уроки. И больше никогда к нему не пойду. Довольно! Я понял, что́ это за человек!

Всё, что случилось сегодня, так важно, что нужно записать поподробней.

Когда окончились уроки, я вышел из класса одним из последних. В коридоре творилось что-то странное. Большая толпа ребят собралась рядом с дверью нашего класса. Ребята вытягивали шеи, приподнимались на цыпочки, толкали друг друга.

Кое-как я протиснулся сквозь толпу и увидел на стене лист бумаги. В верхнем правом углу его было нарисовано лопнувшее яйцо, из которого вылезало нечто похожее на ящерицу. Левее разноцветными буквами было написано: «Крокодилёнок». Сатирическая газета VI класса «Б». Выходит через день. № 1.

Как меня ни толкали, а я всё-таки прочёл передовую, озаглавленную «На остриё сатиры!» Вот что там было написано:

«Наш класс считается одним из лучших классов в школе, но и среди нас имеются лодыри и нарушители дисциплины, которые мешают классу идти к дальнейшим успехам.

Каждый знает, какое огромное значение имеет едкий сатирический смех в борьбе со всеми недостатками.

Поэтому сегодня выходит первый номер «Крокодилёнка».

Он будет беспощадно и невзирая на лица высмеивать тех, кто тянет класс назад. Он будет острым оружием сатиры бороться с отрицательными явлениями в нашем классе.

Пишите все в «Крокодилёнок»!

Газетка была маленькая. «На остриё сатиры» попалось пока всего лишь трое ребят.

Таким Михаил Артамонов воображает себя, когда пристаёт к слабым ребятам.

«Доктор исторических наук Витя Огурцов закончил работу над новым учебником истории средних веков,— сообщалось в одной из заметок.— Приводим выдержку из этого учебника: «Крестоносцам удалось завоевать Сирию в 1781 году, но тут у них появился опасный противник: турецкий султан Барбаросса. В то же время в лагере крестоносцев начались раздоры: английский король Карл Смелый начал ссориться с Ричардом Львиное сердце и французским королём Салладином».

Затем следовали два рисунка. Один изображал Д'Артаньяна, отважно сражавшегося с десятком противников, другой — рослого парня, таскающего за вихры испуганного малыша. «Таким Михаил Артамонов воображает себя, когда пристаёт к слабым ребятам»,— гласила подпись под первым рисунком. «Так он выглядит на самом деле»,— было написано под вторым.

На последнем рисунке был показан школьник, огромным ножом вырезающий на парте свои инициалы. Тут же были помещены стихи:

«Он имя своё, Иван Прибылов,
В школе увековечил.
Он много парт, дверей и столов
Для этого изувечил.
И много парт, дверей и столов
Рассказывать будут вечно,
Что испортил их Иван Прибылов,
Что Иваном они изувечены».

В правом нижнем углу газеты я увидел подписи:

Редколлегия: К. Замятин (редактор),
В. Пеликанов (художник).

Теперь мне стало ясно, почему у Кирилла Замятина был в последнее время такой таинственный вид! Теперь я понял, о чём он шептался на переменах с Валеркой Пеликановым и с вожатым Игорем. Я даже не обиделся на Кирилла за то, что он скрыл от меня своё намерение выпускать стенгазету. Я ведь знаю, как он любит производить всякие неожиданные эффекты. Вокруг меня ребята громко расхваливали новую газету. Очень довольный за своего друга, я побежал разыскивать членов редколлегии.

Так он выглядит на самом деле.

Я нашёл их в пионерской комнате. Художник Валерка, долговязый, рыжеволосый, отскочил от двери, когда я открыл ее: он наблюдал в щелку за толпой читателей. Маленький толстый редактор стоял посреди комнаты и, как видно, прислушивался к голосам в коридоре.

— Кирка! — закричал я. — Ой, здорово! Поздравляю!

Художник так и расплылся от удовольствия, а редактор остался серьёзным. Он всегда сохраняет серьёзный вид, даже когда шутит.

Он имя своё, Иван Прибылов,
В школе увековечил

— Действует? — спросил он коротко.

— Ещё как действует! Витю Огурцова уже историком дразнят, стихи о Прибылове наизусть выучили, а главное, знаешь чему ребята удивляются: как это Артамонова не побоялись протащить? Ведь он, мол, Замятина теперь наверняка отлупит. Валерку не тронет; Валерка здоровый, а Кирилла — обязательно!

— Пусть попробует,— сказал художник.

— Что ж! Может быть, и отлупит,— хладнокровно ответил редактор.— Сатирики всегда наживают много врагов.

— Ага! Я так ребятам и сказал: «То-то,— говорю,— и ценно, что невзирая на лица. Будь ты хоть Артамонов, хоть кто». Верно?

Тут мне показалось, что редактор и художник немного смутились. Валерка сказал: «Гм»,— отошёл к столу и начал раскрашивать заголовок для второго номера газеты, а Кирилл смотрел на меня исподлобья.

— Понимаешь, Семён, я тебя должен предупредить,— заговорил он медленно.— Хотя это и редакционная тайна, но так как ты мой друг... я... Одним словом, мы тебя на следующий номер запланировали.

Я сначала ничего не понял:

— Как? Куда запланировали?

— В фельетон,— сказал Кирилл.— На тему о болтовне в классе.

Я так опешил, что, наверное, целую минуту молчал:

— Ловко! Значит... значит, своего друга будете протаскивать, Кирилл Иванович?

— Ты какой-то странный, Семён! Не могу же я других болтунов протаскивать, а тебя — нет.

— А очень нужно тебе вообще болтунов протаскивать! Небось, и без них есть о чём писать!

Кирилл немного повысил голос:

— Знаешь, Семён... Дружба — дружбой, а принцип — принципом. Болтовня в классе — отрицательное явление,— значит, наша сатирическая газета должна его бичевать. Тут дело в принципе.

— Хорош принцип! Над друзьями издеваться!

Тут Пеликанов отбросил кисточку и выпрямился.

— Ну, чего ты пришёл? — сказал он.— Уходи отсюда и не мешай работать.

Я понял, что разговаривать мне больше не о чем и ушёл.

Вот до чего доводят неприятности! Писал, писал и только сейчас вспомнил, что нужно выучить формулы сокращённого умножения. Ладно! Авось, завтра не спросят.

25 января. 7 часов вечера.

Сегодня, войдя в класс, я не сел на своё обычное место рядом с Кириллом. Я положил перед редактором запечатанный конверт и стал прохаживаться между партами.

В конверте находилось письмо. Вот что я там писал:

«Замятин!

Предлагаю меняться с Пеликановым местами. Так вам будет удобнее делать гадости своим бывшим друзьям. Если Пеликанов не поменяется, то я всё равно рядом с тобой не сяду. Это окончательно.

С. Ложечкин»

Кирилл прочёл письмо и сказал:

— Смешно, Семён!

Я молча пожал плечами и продолжал ходить.

Тогда Кирилл показал письмо Валерке. Тот ухмыльнулся, сказал: «Это — дело, это нам подходит»,— и перенёс свои книги на парту к редактору. Я сел на его место рядом с Артамоновым, которого теперь все зовут «Д'Артаньяном».

После звонка, перед началом урока к нам заглянул вожатый Игорь.

— Понравился «Крокодилёнок»? — спросил он.

— Понравился! — хором ответил класс. Даже «доктор исторических наук» Витя Огурцов крикнул: «Понравился!» Промолчали только мы с Артамоновым да Ваня Прибылов.

Целый день я старался не обращать на Кирилла никакого внимания, а он, кажется, и в самом деле не обращал на меня внимания. На всех переменах ребята приносили ему заметки. Он просматривал их с очень серьёзным видом и говорил:

— Ладно! Это мы обработаем.

Или:

— Не пойдёт. Мелочь.

Ваня Прибылов сегодня три раза раскрывал перочинный нож, но тут же со смущённым видом прятал его в карман.

Того же числа. 10 часов 30 минут.

Настроение паршивое. Скучно учить уроки одному. Это, должно быть, с непривычки.

Не знаю: может быть, я погорячился и зря поссорился с Киркой? В конце концов, что из того, если он один разок напишет обо мне в газете?

Нужно учить формулы сокращённого умножения, но назавтра много задано по русскому. Придётся с формулами подождать.

26 января.

Нет, Кирилл Замятин! Никогда, никогда Семён Ложечкин больше не скажет с тобой ни слова!

Они нарисовали собаку, которая стояла на кафедре, опираясь передними лапами о стол,

а перед ней изобразили четырёх мальчишек с глупыми лицами. Под этим рисунком они написали:

«Я служебная собака Барбос. Как и всякая собака, я очень люблю лаять. Но когда я бываю с пограничником на посту, я не лаю. Я не лаю даже тогда, когда мимо пробежит заяц. Я сдерживаю себя, так как знаю, что лаять на посту нельзя. А вы, Артамонов, Ложечкин, Тараскин и Бодров, знаете, что на уроках болтать нельзя, и всё-таки болтаете, мешая другим заниматься. Ай-ай, как не стыдно!»

И в то самое время, как одни ребята хохотали надо мной, другие вытащили из пионерской комнаты Кирилла с Валерием и закричали:

— Качать редакторов!

Я прямо зубами заскрежетал, глядя, как редактор и художник взлетают чуть не до потолка. А тут ещё Артамонов подошёл ко мне...

— Ловко твой дружок на тебе почести зарабатывает.

— Он такой же друг, как ты, папа римский,— отрезал я.

Артамонов помолчал и снова процедил:

— Пусть теперь выйдет на улицу! Я ему покажу «Барбоса» с «Д'Артаньяном»

Довольно! С завтрашнего дня буду сидеть на уроках немой, как рыба.

27 января.

Настроение паршивое. На русском и на физике получил замечание за болтовню. Получил также двойку по алгебре: не знал формул сокращённого умножения. Серёжа Бодров тоже получил двойку. Это у него уже третья. Первые две по русскому и химии. Он только и знает, что играет во дворе в хоккей.

Ваня Прибылов предложил мне сменять общую тетрадь на его перочинный нож. Сменял.

28 января.

Теперь я окончательно понял, что такое этот Замятин. Он не придумал ничего умнее, как снова протащить меня, на этот раз за алгебру.

— Я, служебная собака, Барбос, как и всякая собака, я очень люблю лаять

«Д'Артаньян» тоже попал в «Крокодилёнок». Он способный, но учится как-то странно: получит пятёрку по русскому — заработает двойку по геометрии, подтянется по геометрии — схватит двойку по биологии. Третьим пострадал Кузя Тараскин: ходит нечёсаный.

Нам теперь хоть в школу не ходи. Только и слышим:

— Как поживает «Барбос»?

— «Д'Артаньян», много врагов победил?

Артамонов мечтает поймать редактора на улице, но ему не удаётся. Кирилл с Валеркой живут в одном переулке и всегда ходят вместе. Жаль!

29 января.

Ничего интересного.

Получил замечание за болтовню на английском. Огурцов добился четвёрки по истории, и его теперь не зовут «доктором исторических наук».

31 января.

Опять «Крокодилёнок», и снова там я, Бодров и Артамонов. Мы с Бодровым — за болтовню, а Михаил — за геометрию.

Я не выдержал, подошёл к Кириллу и сказал:

— Послушай, у тебя совесть, в конце концов, есть? Что ты всё на одних и тех же выезжаешь?

— А что мне делать, если другого материала нет? — ответил редактор.— И во-вторых, сатирическая газета издаётся для искоренения недостатков. Если какой-нибудь недостаток не искореняется,— значит, нужно бить в одну точку. Газета должна быть действенной. Понимаешь?

Но мы этого дела так не оставили. Мы с Бодровым и Артамоновым пошли к вожатому Игорю и сказали ему, что это — безобразие. Больше половины ребят совсем не попали в «Крокодилёнок», остальные хотя и попадают, но очень редко, а мы трое словно приклеены к этой газете. Игорь ответил коротко:

— Заметки справедливы? Справедливы. Сами виноваты, что над вами смеются.

1 февраля.

Вот что случилось на уроке физики.

Феофан Денисович объяснял нам

принцип действия гидравлического пресса. Вдруг он умолк и взглянул из-под очков на Кирилла с Валеркой. Посмотрел на них и я. Художник рисовал карикатуру, а редактор хмурил брови и грыз кончик ручки, наверное, сочинял стихи.

Учитель снова заговорил:

— Итак, повторяю: если на большом поршне мы имеем проигрыш в расстоянии, то зато во столько же раз выигрываем... Пеликанов, в чём мы выигрываем?

Валерка вскочил и покраснел, как рак.

— В воде,— брякнул он.

— Садитесь, Пеликанов. В чём же мы выигрываем, Замятин?

— В объёме,—пробормотал Кирилл.

— Садитесь, Замятин. Выигрываем в силе,— сказал учитель, отметив что-то в журнале.

После уроков Артамонов, Бодров и я, хихикая, толкая друг друга, постучались в дверь пионерской комнаты.

Кира открыл нам и переглянулся с художником, который стоял посреди комнаты, держа в одной руке стакан с водой, а в другой — кисточку. Я сладеньким голосом спросил:

— Извиняюсь, мы не помешали?

— Входите,— ответил редактор.

— Тут у нас одна заметочка есть,— сказал я и протянул Кире тетрадочный листок.

Тот взял заметку, подошёл к Валерке, и они оба стали читать. Мы стояли тихо-тихо.

Редактор сложил заметку и сунул её в карман.

— Что ж, мы это предвидели,— сказал он.

— Очень приятно, что предвидели. Теперь позвольте узнать: наша заметка пойдёт?

Кирилл посмотрел на меня в упор и отчеканил:

— Не пойдёт: у нас на эту тему получше материал. Если желаете, можете посмотреть,— и он взял со стола незаконченную газету.

Там был изображён «Крокодилёнок», державший за шиворот двух мальчишек: одного — круглого, как шар, другого — длинного с оранжевыми волосами. Сама же заметка была написана в форме диалога:

«Крокодилёнок»: — Чем вы занимались эти дни?

Замятин и Пеликанов: — Двоечников в стенгазете высмеивали.

«Крокодилёнок: — А что вчера натворили?

Замятин и Пеликанов: — Двойки по физике заработали.

От редакции: Редакция считает критику справедливой и обязуется срочно исправить двойки. Начиная с этого номера, «Крокодилёнок» будет выходить не через день, а раз в неделю».

— Получили? — спросил Валерка.

Мы промямлили что-то невразумительное и удалились.

Решил во что бы то ни стало избавиться завтра от двойки по алгебре: формулы сокращённого умножения запишу на гранях карандаша. Представляете себе, что за адская работа? Выцарапывать буквы и цифры величиной с булавочную головку!

2 февраля.

До сих пор не могу успокоиться, столько было сегодня переживаний.

Во-первых, заметка про самих себя только увеличила славу «Крокодилёнка». Все кричали:

— Вот это газета! Вот это действительно невзирая на лица!

Во-вторых, я с помощью своего карандаша благополучно получил тройку по алгебре.

В-третьих, у Валерки разболелся зуб, он ушёл к врачу с последнего урока, и Кирилл остался без телохранителя.

Я уже спустился в раздевалку, но тут вспомнил, что оставил в классе тот самый карандаш. Пришлось возвращаться.

В пустом коридоре третьего этажа я увидел Артамонова, который расхаживал возле двери пионерской комнаты и поглядывал на неё, словно кот на сметану. Меня он не заметил, потому что я стоял на площадке лестницы за углом. Я сразу забыл про карандаш. Я понял: назревают события.

Дверь пионерской комнаты открылась, и оттуда вышел редактор. Конечно, ему стало очень не по себе, когда он увидел Артамонова. Но он сделал равнодушное лицо и неторопливо направился к лестнице. «Д'Артаньян» тоже сделал равнодушное лицо и пошёл следом.

В раздевалке Замятин очень долго натягивал шубу, поправлял калоши и делал вид, что не замечает Артамонова, а тот, уже одетый, поглядывал в зеркало и напевал:

— Жил-был у бабушки серенький козлик...

Наконец они ушли из раздевалки всё с теми же равнодушными лицами. Нечего и говорить, что через полминуты я тоже выскочил на улицу.

Переулок, в котором находится школа, тихий, почти безлюдный. Вдоль тротуаров тянулись кучи снега, похожие на горные хребты. Кирилл с Мишкой шагали неторопливо, словно прогуливаясь: впереди — редактор в чёрной шубе и шапке с ушами, сзади — Артамонов в валенках, меховой куртке и в кубанке, сдвинутой набекрень.

Метрах в пятидесяти от школы Кирилл вдруг остановился и обернулся.

— Бить собираешься, да? — громко спросил он.

Артамонов что-то ответил, но я не расслышал.

— Ну, на, бей! Что ж ты не бьёшь? Бей!

Мишка дал редактору подножку и толкнул его в сугроб.

И тут... тут я понял, что должен делать. Сейчас Кирилл узнает, что такое настоящая дружба! Сейчас он поймёт, над каким человеком издевался он в своей газете!

Я разбежался, толкнул Михаила и стал наскакивать на него, быстро приговаривая:

— Чего ты лезешь, чего ты лезешь, чего ты дерёшься!

«Д'Артаньян» сначала растерялся, но скоро опомнился.

— А чего тебе надо, чего тебе надо, чего тебе надо?—приговаривал он так же быстро, как и я.

— Ну, ну, петухи! — сказал какой-то прохожий и развёл нас в разные стороны.

— Ладно, попадётесь ещё! — проворчал Артамонов и убежал.

Я обернулся к Замятину. Шапка редактора лежала на тротуаре, в волосах был снег, но почему-то он всё-таки имел довольный вид.

— Больно? — спросил я.

— Чепуха! Я к этому был готов,— ответил он.— Нас этим не сломишь. А тебе спасибо. Ты благородно поступил. Руку!

Мы крепко пожали друг другу руки. Я и сам понимал всё благородство своего поступка. Я так был взволнован, что даже не мог говорить. У меня даже в горле щекотало от всяких чувств.

Редактор вытряхивал снег из-за воротника. Лицо его снова стало хмурым.

— Только вот что, Семён... Ты не обижайся, но мы тебя опять запланировали.

Я молчал. Молчал и Кирилл.

— Понимаешь, дружба — дружбой, а принцип — принципом. Мы тебя запланировали на тему о шпаргалках.

Я повернулся и пошёл.

— Хочешь, я тебе по алгебре помогу?—каким-то жалобным голосом спросил редактор.

Я, конечно, даже не оглянулся.

3 февраля.

Настроение отвратительное. Сегодня подошёл к Михаилу и сказал:

— Артамонов, я вчера был не прав. Теперь я палец о палец не ударю, если ты... Ну, в общем, ты понимаешь.

«Д'Артаньян» опустил голову и вздохнул:

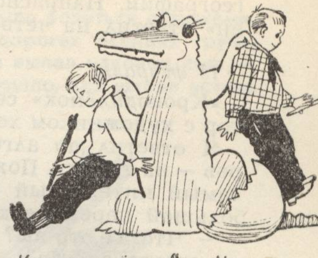
— Что в этом толку! Заметил? Он даже никому не пожаловался на вчерашнее.

7 февраля. 6 часов 30 минут.

Серёжа Бодров ликвидировал двойки по русскому и химии. Теперь у него только одна, по алгебре.

Завтра снова выйдет «Крокодилёнок», и снова я буду там. Удивительно, как это у Замятина хватает изобретательности: пишет всё об одних и тех же и каждый раз по-новому.

„Крокодилёнок": — Чем вы занимались эти дни?

Только сейчас у меня явилась интересная мысль: а что было бы с «Крокодилёнком», если бы «Д'Артаньян», Бодров и я перестали получать двойки и болтать на уроках? Ведь «Крокодилёнок» в основном только нами и кормится.

Над этим стоит подумать.

6 часов 50 минут.

Нет, это здорово! Представляю себе, какая будет у Кирки физиономия, когда он увидит, что материала для его газеты нет! Сейчас позвоню «Д'Артаньяну».

7 часов 15 минут.

Ура! План созрел! Артамонов две минуты хохотал по телефону, как Мефистофель. Сейчас побегу к Серёже Бодрову сообщить ему наш адский замысел.

8 февраля.

Сегодня вышел новый номер «Крокодилёнка». На нём вместо рисунка я увидел свой карандаш, исписанный формулами. Он был прикреплён к бумаге ниточками. Под этим карандашом было написано:

«По самым скромным подсчётам, Сеня Ложечкин затратил на эту ювелирную работу не меньше трёх часов. Не лучше ли было бы затратить один час и честно выучить формулы?»

Ничего, Кирочка! Последний раз вы торжествуете. Вы и не знаете, какие тучи собираются на вашем горизонте. Вы и не знаете, что вчера вечером «Д'Артаньян» целый час объяснял нам с Бодровым алгебру, а потом мы час гоняли его по географии. И вы пока ещё не заметили, что Бодров, Артамонов и Ложечкин сидели сегодня на уроках, словно в рот воды набрав. Вы не заметили, что Артамонов на переменах никому не подставил ножку, никого не толкнул. Ничего! Скоро заметите!

10 февраля.

Вчера не писал в дневник: сидел над алгеброй. Все эти дни в классе мёртвая тишина. Её нарушают иногда только Кира с Валеркой. Они явно встревожены. Они шушукаются между собой и беспокойно поглядывают на нас, а мы молчим и только улыбаемся коварными улыбками.

Редактор с художником несколько оживились было, когда Артамонова вызвали по

географии. Напрасно, голубчики! «Д'Артаньян» ответил на четвёрку.

15 февраля.

«Крокодилёнок» сегодня не вышел! Редактор с художником ходят скучные.

Я ответил по алгебре на пятёрку, а Бодров — на тройку. Пожалуй, алгебра — всё-таки самый интересный предмет. После этого на большой перемене ко мне подошёл Валерка:

— Что же это вы? Совсем паиньками решили сделаться? Да?

— Не подденешь,— ответил я, а после уроков подошёл к Кириллу и сказал:

— Что, Кирилл Иванович, плохи ваши дела? Материала нет? Ничего, я вам помогу.

И я подал ему заметку:

«Вопрос: Почему некоторые редакторы «Крокодилёнка» подбивают ребят нарушать дисциплину?

Ответ: Наверное, потому, что им больше хочется выпускать свою газету, чем действительно бороться с недостатками».

16 февраля.

Спешу записать сегодняшний день. Через полчаса идём с Кириллом в кино.

Сегодня после уроков в класс вошёл Игорь и сказал:

— Внимание! Прошу не расходиться. Председатель совета отряда Лёва Курочкин сделает сообщение о состоявшемся вчера заседании совета дружины.

Розовый голубоглазый Лёва Курочкин поднялся на кафедру, поправил галстук и начал:

— Совет дружины отметил такое дело. Он отметил, что все педагоги отметили, что наш класс был и раньше неплохим, а теперь стал просто самым лучшим в школе. За последние дни у нас не было ни одного замечания по дисциплине и ни одной плохой отметки.

— Ура!—крикнул «Д'Артаньян».

— Ура-а!—закричали ребята.

Лёва Курочкин подождал, пока мы утихли, и продолжал:

— И совет дружины также отметил, что немалая доля заслуги в этом принадлежит сатирической газете «Крокодилёнок».

Мы с Бодровым и «Д'Артаньяном» обескураженно переглянулись.

Лёва продолжал:

— Редколлегия «Крокодилёнка» мужественно и невзирая на лица боролась с недостатками в нашем классе и добилась того, что даже некоторые самые разболтанные ребята осознали свои ошибки и перестали тянуть класс назад. Совет постановил издавать общедружинную сатирическую газету «Крокодильчик», назначив редакторами её Замятина и Пеликанова. И совет дружины постановил ещё вынести благодарность редколлегии «Крокодилёнка».

И тут вдруг случилось нечто совсем неожиданное. Я взял и крикнул:

— Ура «Крокодилёнку»!

— Ура!—подхватил класс, и я увидел, что Артамонов с Бодровым тоже кричат «ура».

Когда мы, весёлые и довольные, вышли из коридора, то все увидели на стене совсем маленький листик бумаги. На нём цветным карандашом было написано: «Крокодилёнок» № 10, и последний».

В «Крокодилёнке» были только две крошечные заметки. Одна из них была моя, та самая, которую я подал вчера Кириллу. Под ней стояло: «От редакции: Редакция считает данную критику справедливой».

Другая заметка называлась «Исправились на зло». В заметке было всего пять строчек:

«Очень приятно, что Артамонов, Бодров и Ложечкин подтянулись. К сожалению, ходят слухи, будто они исправились только для того, чтобы насолить «Крокодилёнку».

Что же будет, когда «Крокодилёнок» перестанет выходить?»

«Д'Артаньян» послюнил чернильный карандаш и написал под заметкой: «Критику считаю справедливой».

Так «Крокодилёнок» разделался и с этими отрицательными явлениями.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: рисунок Я. Титова «В географическом музее рублёвской школы».

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 7/II—49 г. Изд. № 141. 82×110. 1/16 бум. листа.

А 00839. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ № 165.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Слово не расходится с делом

Много хороших дел — и больших и малых — сделали рублёвские школьники. Обо всех их делах не расскажешь в журнале. Но и того, что уместилось здесь, довольно, чтобы разгадать один секрет, который помогает им побеждать трудности.

Секрет простой: комсомольское слово не должно расходиться с делом; если взялся за дело, во что бы то ни стало доводи его до конца. Этот закон твёрдо помнят ребята и со школьной скамьи несут его в большую жизнь.

Летом и зимой рублёвские школьники живут среди зелени. В школьном саду не первый год растут посаженные их руками фруктовые деревья, на клумбах цветут цветы, в коридорах и в классах зеленеют комнатные растения... За один только прошлый год ребята высадили 18 тысяч цветов!

И вот однажды они взялись озеленить аллею около школы. Получили разрешение в лесничестве, достали машину, запаслись лопатами, собрались... и вдруг хлынул дождь, но ребята не испугались.

— Не сахарные, не размокнем,— решили они.

И к вечеру десятки молодых лип переселились из леса на одну из аллей возле школы. Они и сейчас растут там...

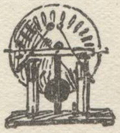

Был когда-то в рублёвской школе замечательный физический кабинет. Но пришла война. Школа не отапливалась. Дорогие приборы отсырели, заржавели, вышли из строя.

Когда Борис Петрович, учитель физики, вернулся с фронта в школу, он пошёл за помощью к комсомольцам.

— Восстановим! — сказали ребята и принялись за работу.

Теперь приборы опять работают и блестят, как новые.

Осень в этом году затянулась. До середины января не было снега. А ребята ещё в сентябре решили: к зиме привести в порядок школьные лыжи. И хоть многим уже и не верилось, что зима наконец придёт, в назначенный день собрались школьные мастера, проверили и починили крепления, промазали лыжи заново.

Странно было возиться с лыжами, когда на дорогах осенняя грязь. Зато когда выпал наконец снег,— часу не прошло, вся школа встала на лыжи!

Пионеры многому научились у своих старших товарищей. Они всегда приглядываются к делам комсомольцев и стараются подражать им во всём хорошем.

Рублёвские комсомольцы много читают. О прочитанных книгах беседуют, спорят; дают книги друг другу. В чести книга и у пионеров. Шестиклассники даже решили сделать общую классную библиотеку: принести все свои книжки в класс.

Некоторым мальчикам сначала жалко было расставаться с собственными книгами. Но теперь никто не жалеет. Раньше было у каждого по две — по три книжки, а теперь почти сотня книг в классе — бери и читай любую!

Конечно, и малышам тоже хочется делать что-нибудь хорошее. Большие дела им пока не под силу. Но одно полезное дело в рублёвской школе целиком доверено ученикам младших классов. Это дело — забота о птицах. Малыши сами мастерят птичьи домики, подбирают и лечат больных птиц, наблюдают за ними.

Весной, когда наступает «день птиц», малыши в рублёвской школе становятся настоящими героями. Важно, как воины с винтовками, шагают они со скворечниками на плечах. Посреди школьного сада сооружают трибуну из столов, приносят клетки с птицами и торжественно выпускают их на волю... А зрители — старшие товарищи и учителя — от всей души аплодируют друзьям птиц, и надолго в памяти школьников остаётся этот радостный весенний праздник.

Цена 2 р. 50 к.

На этих фотографиях, снятых в 1948 году, изображены рублёвские школьники за своими делами.

Наверху слева — школьная библиотека. Здесь собрано 14 тысяч томов. Ребята часто приходят сюда, чтобы обменять прочитанные книги или, усевшись за круглыми столами, прочитать новые журналы, пионерские и комсомольские газеты.

А справа ученики-комсомольцы Аркадий Виленский, Нина Ейнова и Галина Московская в физическом кабинете производят опыты с электрофорной машиной.

Внизу справа восьмиклассники с молодыми липками в руках идут засаживать аллею около школы. А слева — малыши. Вон сколько скворечников приготовили они ко «дню птиц»!

